

СМЕНА

Комсорг и директор

О Николае Островском

Маршруты солидарности

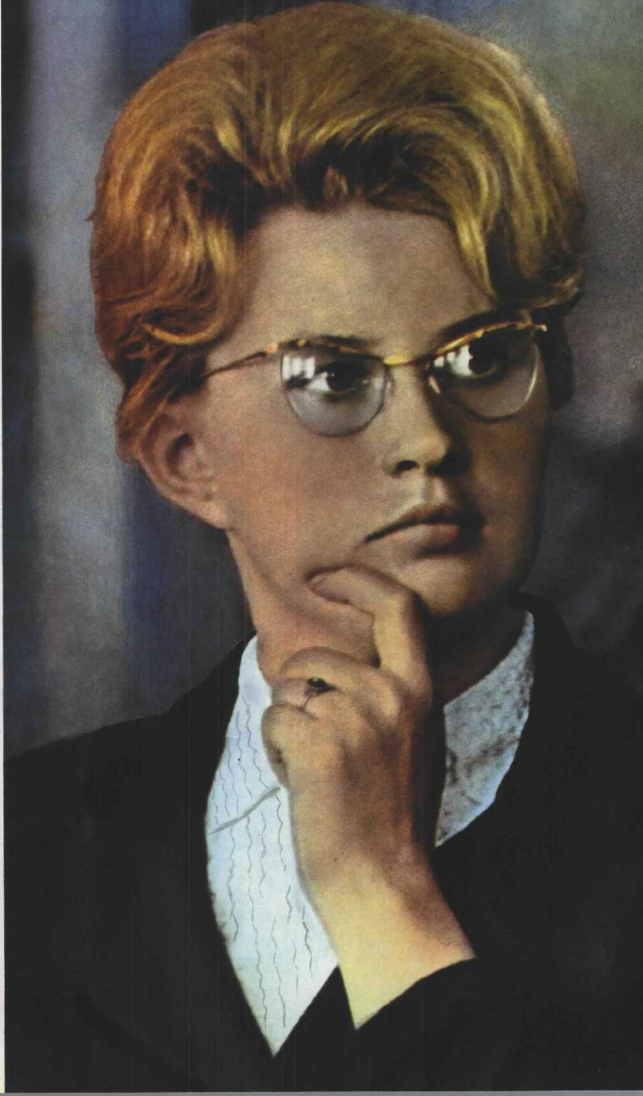
Открытие «галереи шедевров»

№ 16 (894)

АВГУСТ

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

15

(894)

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

АВГУСТ

Год издания сорок первый.
Выходит два раза в месяц.

1964

Вступил в строй Волго-Балт...

Завершена еще одна Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Как и на десятках других комсомольских стройках, здесь трудились представители молодежи всей страны. Юноши и девушки России, Молдавии, Грузии и Азербайджана, Украины и Белорусии в течение нескольких лет возводили невиданные гидросооружения. На месте старой Маринской системы они проложили канал протяженностью в 361 километр. Волго-Балт — ключ к пяти морям.

О тех, кто строил Волго-Балт, говорится сегодня на этих страницах.

КЛЮЧ К ПЯТИ

В. КОНСТАНТИНОВ

Фото А. ЛЕХМУСА

МОРЯМ

МОЛОДОЙ ЛЕС

Когда Александр Лозовой приехал на Волго-Балт после Харьковского электромеханического техникума, его послали в управление гидромеханизации электриком.

Сашка Лозовой с утра до вечера, а нередко и ночью, словно челнок, сновал по участку от одного земнаряда к другому. Где проскочит километра три на машине, где с километрополтора пробавляется по тупиковому проводу, где по болоту прыгает с кочки на кочку, а где на моторике прошьмгнет. Но, как ни старался Сашка охватить необъятное, один он не в состоянии был обслужить участок.

Тогда решили организовать курсы электромашинистов. Бывго молодень на Волго-Балт валом валяла.

— Будешь у меня заучем,— сказал, встретив Лозового, прораб Борис Клеманов.

Ничто не могло так огоршить Лозового, как это предложение. Вчерашний студент, девятнадцатилетний парнишка, и вдруг — заучи! И совсем залопотало сердце, когда он переступил порог класса в старом, заброшенном сарае.

Слушатели шумно встали, приветствуя учителя. Сашка даже поблудил. Некоторых он знал: вот Алешинцев — электромашинист-практик. Лет ему, наверное, вдвое больше, чем ему, Сашке. Вот Иван Иванович Староверов, решивший на сороковом году сменить профессию шофера на электромашиниста, вот седоволосый Сергей Сергеевич Северин, машинист механического оборудования...

— Сядьте, пожалуйста,— пробормотал Сашка и... тупо покраснел.

— Ты, сынок, не смущайся, все мы тут люди свои,— сказал ему доверительно старик Северин после урона.— Самое главное — учи уму-разуму. Сразу видно, человек ты знающий, ученый. А все остальное, как говоришь, приложится.

На уроках мертвая тишина. Прозвонит звонок [и такой завал] — ни один не сорвется с места. А Лозовой все

Вот она, знаменитая бригада бетонщиков Михаила Никитина. В центре — Аркадий Хомутенко.

Идут плоты.

В науке, в исследовательской работе утвердилось понятие «странность». «Странность» — значительное, на первый взгляд, отклонение от нормы, малоприятная аномалия, которой, казалось бы, можно и пренебречь. Но ученые знают случаи, когда такие мелкие «странности», не улавливающиеся в существующую схему, начинают помаленьку всю систему объяснения того или иного явления. Во всяком случае, «странность» всегда вызывает вопрос: а что за этим кроется?.. — Вот тебе спорт, вот тебе самодельность, а в производстве — ни-ни! Договорились!.. Эта фраза, якобы сказанная одним из начальников цехов КМК своему комиссару, мелькнула в

Спустя двадцать минут в кабинет начальница вошла Галя.

— Анатолий Григорьевич, нам хотелось бы, чтобы и вы присутствовали на собрании. Ведь вопрос о работе цеха...

— Не пойду.

И не пошел.

— Участники рейда пришли на донну. Из неплотных соединений со систем вырывался сквадный воздух, острый недостаток которого ощущался по всему комбинату, острый дефицит которого и не вел в мысль проверить: а так ли, как нужно, исполняют мощности воздухоподогрев! Спросили у заместителя начальника доменного цеха П. Г. Жигулева:

— Почему не обеспечена сохранность фланцев и вентилей? Зачем вам давление в шесть атмосфер?

И услышали:

— А вам что за дело?... Комсорга обжимного цеха Алеху Сычова хорошо знали на комбинате. Это был веселый, неунывающий заводчик, умевший видеть недостатки и не умеющий с ними мириться. Видно, именно за кипучую энергию, за открытый и честный нрав комсомольцев обжимного цеха после года работы вновь избрали его комиссаром.

— И неожиданно он пришел в завод.

— Увольнение. Хватит, не могу больше...

Впрочем, это не было неожиданностью. В заводском цехе не было неожиданности и конфликтов Алехи с администрацией цеха. Знали, помогали, надеялись: еще немного — и наладится, еще немного — и убудется в цехе, что Сычов именно тот человек, который нужен.

— Надеюсь, не могут не понять друг друга люди, занятые одним делом.

А за конфликтами и конфликтами стояло: а производство — ни-ни! За стычками — от противодействия начальница цеха в создании комсомольско-молодежных бригад и смени до совершеннейших мелочей — слышалось: «А тебе что за дело?»

А в комсомольцы комбинате не сдают без дела. И надзором организация считается одной из самых сильных в городе. Но ее счету немало начинаний, значение которых трудно переоценить.

Три с половиной тысячи человек участвовали в воскресниках на пусковом объекте — он вошел в строй намного раньше срока.

Каждый изгиб воздухопровода, каждую шель, каждый патрубок, каждое крепление приборов окупали руки участников общекорпоративного

К озади десятки встреч, разговоров с комиссаром цехов, с молодыми рабочими и инженерами, с начальниками цехов и участков. Через полчаса — последние интервью с директором Кузнецкого металлургического комбината Борисом Николаевичем Жарбиным. А пока в силу восторженном помещении административного корпуса, напоминающем академичский конференц-зал, где идет общекорпоративный рапорт.

Высоки проблемы светлых олов, широкие полосуны пылятся в них солнечные лучи. Густает нетерпеливая цепочка людей у входа, полнятся, тихо переговариваются рады.

В зале руководителей цехов, участков, служб Горняка, металлургии, экономисты, люди, от которых зависит бесперебойная работа сибирского красавца КМК. На возвышении, за столом светлого дерева, ятеро.

— Директор комбината, главный инженер, начальник производственного отдела, секретарь перткома, председатель завкома профсоюза... Эти пояснения дает мне Саша Силин, вожак многотысячной организации, первый секретарь комитета комсомола комбината.

Мы сидим в зале у окна, с краю.

Я гость. Силу и старость никому не мешать. Саша — тоже...

Идет конкретный, деловой разговор о проблемах кипучей организации. Он начнется с короткого выступления директора:

— Из обмена сообщениями о решении отметить нашу работу, это, конечно, приятно, но мы-то с вами знаем, что дела наши далеко не так хороши, как хотелось бы...

И мне невольно подумалось о том, что подобная фраза могла бы стать эпиграфом или вступлением к разговору о делах комсомольской организации КМК, одной из самых больших и крепких в городе...

рассказывает и рассказывает увлеченно, горячо, захватисто, невольно копируя описи харьковских учителей. Память у него отличная.

— Кому что не ясно, прикдите ко мне домой (Лозовой жил в это время на брандмауте), поговорим, — обрывается он к слушателю.

Теперь при встрече любезные приподнимают кепки, шляпки, шляпы и уважительно говорят Лозовому:

Принет, Александр Петрович.

Потом Александр Лозового комсомольцы избрали членом комитета стройки, а через некоторое время — заместителем секретаря. Саша стал жить в Вытегре. Он аккуратно писал дядери в Харькове Бодрые письма. Но маме не верилось. Ей казалось, что ее единственный мальчик обязательно пропадет или замерзнет без нее там, на Севере. И она засобиралась к нему. Саша ездил встречать ее в Лодыжные Поля. Дорожные передатки порядком притомили Прасковью Науомову, и она все страшнее валила Сашу:

— Та колы я буду твоя Тигра!

А когда Прасковья Науомова приехала в Вытегру, то так и ахнула:

— Яз ж гариз мистой Яз ж гариз мистой!

И все тогда и все дичайше острей, рассыпаясь, воздухоуничам и шлозом.

Прошло полтора года с тех пор. Я снова приехал в Волго-Балт. Селу в кабинете заместителя начальника управления гидромеханизации Федора Михайловича Панченко. Секретарь привнесла телефонограмму с двумя подписями: главного инженера стройки и секретаря комитета комсомола Волго-Балта Александра Лозового.

— Смотрите, как вырос человек! — невольно вырвалось у меня.

— Все молодень на нашей стройке вытянулось за три года, что молодой лес!

И засмеялся Федор Михайлович довольным баском.

Здесь — самый напряженный участок строительства.

рейд. Сегодня к минимуму сведены потери, сегодня на raporте старейши не жалуются на слабое дутье и начальный паросиловод цеха не требует установок новых мощностей.

Именно здесь, на КМК, комсомольцы впервые в стране начали борьбу за «минусовой проект» — за самый оптимальный режим работы проектных станков. Сегодня жесткие условия, к которым стремились металлурги в поисках разведок металла, узаконены ГОСТом: тысячи тонн проекта получила страна за счет тех миллионов, борьбу за которые начали ребята...

До позднего вечера не гаснет свет в двух небольших комнатах комитета комсомола, почти не смолкают телефоны на столах Саши Силина и Во-

ва, затрачена масса времени и энергии. На этот раз список неурядиц был направлен непосредственно директору КМК, результаты рейда появились в приказе по комбинату, и в короткий срок все меры были приняты: нашлись в цехах и вентилях, и пугубки, и питое и десертное...

А вот другой пример. Молодой инженер Борис Барезовский и Володя Козкоба заинтересовались усовершенствованием на комбинате практической переделки ремонтов мартеновских печей. Приняв: в погоне за процентами комбинат терпит десятки тонн металла. Сделали цифровые выкладки, обратились к администрации..., не нашли поддержки.

Нет, как бы ни были замечательны на первый взгляд «страннысти», пренебречь ими нельзя. Не-

апорт закончен. Спустила четверть часа мы сидим в просторном кабинете директора КМК Бориса Николаевича Жеребина. У него смуглое энергичное лицо, краткие и выразительные жесты, голос ровный и негромкий. Борис Николаевич в прошлом комсомольский работник. Он из тех, кого принято называть старой гвардией комсомола...

— Борис Николаевич, каким бы вы хотели видеть себя в комсомольской работе?
— Требувальным, задирчивым, бовым. Чтобы не ждал, а сам, как говорится, был за горло... И внезапно вспоминается: «Мелкие — да, крупные — нет».

И вспоминается молчание Виктора Князева.

...Тамара Петровская, комсорг первого механического цеха, вожак слаженной, крепкой организации, обращается к техническому руководству цеха с просьбой подсказать наиболее важную проблему, где комсомол мог бы приложить силы, не получая взаменительного ответа и... успокаивается.

«Первый секретарь комитета комсомола Саша Силин присутствует на общекосмобинатском raporте «без права голоса»...

«Да, деловой контакт между комсомольской организацией и техническим руководством цеха во многом определяет эффективность комсомольской работы. Но все ли сделано самими ребятами для того, чтобы наладить такой контакт? Конечно, нет».

...И пропосил Борис Барезовского повторить расчеты по потерям металла от переноса газовых потоков мартеновских печей. На другой день он сообщил мне, что совсем недавно, буквально на днях, нормировщик первого мартена говорил эти же цифры по требованию администрации комбината.

Значит, все-таки ребята были правы? Но почти год потерян впустую. Почти на год решенье можно было принять мер...

«Да, административная организация комсомола слаба. Но и сами комсомольцы не проявили ни бовности, ни задирчивости».

— Борис Николаевич, не считаете ли вы, что место комсомольского вождя на общекосмобинатском raporте должно быть не с презрением, а в силе, а рядом с вами, начальником производственного отдела, главным инженером, секретарем парткома и председателем звенаком профсоюза?

«Делового тона достойно».

«Да, такое место в raporте — большая честь и одновременно большая ответственность. И сейчас, по-видимому, Саша Силин действительно не готов занять его. В этом его очевидная слабость, а если смотреть шире, в этом слабость всей комсомольской организации крупнейшего предприятия».

«Многое сделано и многое делается комсомольцами КМК. Но, по-видимому, ребятам следует крепко задуматься над тем, что еще необходимо делать для того, чтобы комсомол крупнейшего предприятия получал в производственных вопросах право решающего голоса».

г. Новокузнецк.

ВЕНТИЛЬ

лоди Козкобы, не успевают менять батареи в фотослушских участниках рейдов по потерям, по браку, по трудовой дисциплине, по чистоте в цехах...

«Да, много сделано, много делается, много будет сделано. И все-таки... И все-таки «страннысти», как тоны на графике, вылаzące за пределы четкой кривой, настораживают: что же это значит! Почему не дружить, а взаимное раздражение между начальником первого коврового цеха Ерышовым и комсоргом Гапеей Крикуновой? Почему не ужестить в обжимном цехе Алеша Сичов? Почему с преизобретением встретил участников рейда П. Г. Жигулев? Почему, наконец, на еженедельном общекосмобинатском raporте Саша Силин сидит не за тем столом светлого дерева, а как гость, у окна, с краю, и старается никому не мешать?»

А может быть, этими аномалиями вполне можно и пренебречь? Как говорится, «за ничтожность».

Ответ подсказывает сама жизнь предприятия.

«Немало времени и сил положили комсомольцы на то, чтобы детально обследовать состояние воздушного хозяйства комбината. А хозяйство это огромно! Но вот подводя итоги, подробный список неурядиц, обнаруженных проекторными, передан начальником цехов и служб, осталось лишь через какое-то время проверить, все ли исправлено».

И проверка дала неожиданные результаты: почти ничего не сделано. Как уходили в атмосферу, не принесли пользы, мощности воздуховодов, так по-прежнему и работают вхолостую. Как сыстело в пугубках, так и свистит...

— Ничего не можем сделать, — услышали «проекторности» стереотипные ответы: — Нет вентиляции, прокладок, того, другого...

И вновь ребятам пришлось тщательно обследовать воздуховоды, проведена огромная рабо-

за потому, что за этими «странныстями» кроется отсутствие делового, дружеского контакта между мастером и группокором, между начальником цеха и комсоргом цеха, а говоря шире — административный комбинат и комитетом комсомола.

Эти «страннысти» приводят порой к тому, что материальный эффект молодежных начинаний в производственной сфере далеко не всегда пропорционален затратам времени и труда.

Так а чем же дело?

В разговоре с начальником обжимного цеха Николаем Ивановичем Захаренко я задавал вопрос:

— Считаете ли вы комсомольскую организацию цеха способной на решение крупных производственных вопросов?

— Нет, — ответил он.

Визу контролеры ОК придирчиво проверяли сведения проеката, руководствуясь ГОСТами, в которых по инициативе комсомольцев, в первую очередь обжимного цеха, были утверждены «минусовые» допуски.

«Мелкие — да», — повторяет Николай Иванович. — «Крупные — нет».

При нашем разговоре присутствует комсорг цеха Виктор Князев. Оглядываясь на него: он молчит, опустив глаза. Сказать ему ничего. Он согласен...

В свое время комсомол был «голтучен» от активной участии в производственном процессе, «на откуп» ему были отданы спорт и быт, слово «воспитание» стояло очень далеко от слова «труд». И, честно говоря, первой моей мыслью было обвинять в «страннысти» начальников цехов и служб комбината, живущих по старым маркам...

По-видимому, отзвуки давней традиции слышатся за «странныстями». Но они ли главная причина тревожных аномалий?

МЕЧТА МУТАЛИФА

его призвали в армию, понял Муталиф, что мир велик и так широк, что надо оченно много времени, чтобы рассмотреть его.

В подразделении, где служил Муталиф, было много хороших парней. Они наперебой звали его в свои ровные места. И когда после демобилизации шофер Муталифу Алхазердиеву предложили комсомольскую путевку на строительство Волго-Балтийского канала на Севере, он сказал твердо:

— Ну конечно же, поеду!

Сначала было нелегко: разбитые дороги, старая машина, студеный ветер, налетающий с севера, лютые морозы зимой. Зато при нем, при Муталифе, шло перекрестие Шенксы на строительство Череповецкого гидроузла. Потом работал он и на водоразделе — у самой Вытерны, в При-Шенкском. На строительстве Шенксы свой парень нашел свою любовь — супругу Лянушу. Сейчас у них маленький сыншишка.

Муталиф вертит в руках концерт.

— Вот отец зовет на родину...

— Ну и что ты решил! Ведь строительство Волго-Балта заканчивается.

— Есть у меня еще одна мечта...

Хочется поехать на строительство Саяно-Шушенской ГЭС, подняться на Саямы и посмотреть, что она из себя представляет, это Сибирь...

Пряма был старый Эммер, что предсказал Муталифу судьбу путешественника!

БЕТОНЩИКИ

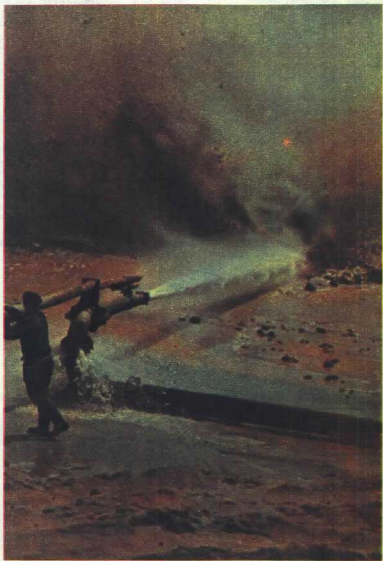
Бригада Михаила Инютина укладывает бетон в левую стенку шлюза. Туловище завалок тес конурт. Лучший бетонщик бригады Ариадий Хомутенко стоит на бадье и сигнализирует крановщицу, куда подавать бетон. Вот бадья подошла к кромке шлюза, и Ариадий шагнул на завалок. Доска под ногой неожиданно выскользнула, и бетонщик полетел в бездну...

Техника Волго-Балта.

Профессиональная биография инженера-строителя комсомолки Лидии Губаревой началась здесь, на трассе Волго-Балтийского канала.

Будет прямым, как стрела, русло Волго-Балта. Гигантский разрез размывают гидромониторы.

Очнулся Аркадий на второй день. Белые потолки, белые стены, белый потолок — сплошной белый туман. Поломанные пострадавшего было опасным.

Двадцать один день пролежал в больнице Хомутенко И. сбывал. Неделю лежать неподвижно один на один с мрачными, гнетущими мыслями. Ведь он привык жить весело, с ребятами, с их шутками и заботами. Когда Аркадий вышел на улицу, его ослепило яркое солнце, весенний ветер ударил в лицо. Какое это все-таки богатство — жизнь!

Когда его привели в общежитие, он просил целые сутки. Его хотели снова вернуть в больницу. Но Аркадий отказался. Утром, днем и вечером гимнастика, прогулки, свежий воздух. Они сделали свое дело: Аркадий стал себя чувствовать лучше.

Напрасно ему предлагали поехать в санаторий, подлечиться.

— Вот закончил стройку, тогда и отъезжать. Будем — отговаривался он и наравне со всеми работал на укладке бетона.

Я познакомился с Аркадием Хомутенко полтора года назад: по заданию редакции должен был написать очерк о бригаде бетонщиков Никитина. Чтобы лучше узнать ребят, я решил поработать с ними. Шел большой бетон, и вся бригада работала в одном-то едином порыве. Аркадий работал за двоих. Я видел, как он, расставив ноги на арматуре, широкими, размашистыми движениями менял положение вибратора. Вибратор он ставил косо и давил на него всей тяжестью тела. И бетон становился плотным и подвижным.

Раз в два и порывался взять у Хомутенко вибратор. Но Аркадий каждый раз отстранял меня.

— Вы лопатой, лопатой полегше все же.

Ему, видимо, все хотелось поставить меня туда, где не нужно такого уж большого напряжения. Бетон давил на ребят, ребята давили на бетон. Чувствовалось, как у всех напряглись нервы. Иногда казалось, что Хомутенко пьянел от работы. Он загонял вибратор все глубже и глубже. Тот натурально гудел и выд, словно ошалелый зверь. Красиво работал Хомутенко! И рядом красиво, упорно работали парни из лучшей на стройке бригады Михаила Никитина.

С самого начала стройки связал с ней судьбу прораб Череповецкого гидроузла комсомолец Петр Турвец.

Первое молодежное кафе в Пахожове.

У х о д я т м а л ь ч и ш к и с л у ж и т ь

От любимых девочек
Уходят еще не солдаты.
От любимых девочек
Уходят мальчишек служить.
Чуть тревожны они,

И даженья у них угловаты,
И в глазах у девочек
Зыбко
Снег небо дрожит.
Над землей бесконечной

Оранжево стьнут закаты,
И не смотрят мальчишки
Девочкам в родные глаза,
И целуют их в губы,
Которые солоноваты,

И смущенье свое
Ни за что не хотят показать.
Им припомнится где-то
Под пологом бархатно-звездным
Перестук каблучков.
Собольные брови вразлет.
А сегодня напрасно
Преждевременно хмурится взводный
И молчит старшина
И не строит слушанный народ.
Будут ливни косые
И желанные очень привалы,
Будут радуги солнца
И ломкие громы чатаво.
Только вы вспомняйте, девочки,
Своих генералов,
Вспомняйте почаше,
Безмятежно, светло, просто так...
И когда над землей
Запылают вишнево закаты,
К вам вернутся опять,
Все равно
К вам вернутся опять
Возмужалые,
Нежные
Ваши земные солдаты
И в весенние губы
Вас будут всю жизнь целовать!

На экраны вышел фильм «Гамлет». Появление на сцене или в кино этой трагедии Шекспира — всегда событие. Нынешняя экранизация особенная — фильм режиссера Г. Козинцева был впервые показан в дни, когда весь календарный мир праздновал четырехсотлетие со дня рождения великого драматурга.

Роль Гамлета исполнил Иннокентий Смоктуновский. Образ, в котором скрестились вечные проблемы человеческой жизни, человек, в котором

действие и мысль существуют в единстве и борении, всегда привлекал крупнейших мастеров сцены, давая им возможность высказать новое и важное «о времени и о себе».

Мы задали Иннокентию Смоктуновскому семь вопросов. Мы их не придумали — взяли из писем, которые он получает, из записок, что пишут ему на встречах со зрителями.

Итак, семь вопросов Гамлету 1964 года.

СЕМЬ
ВОПРОСОВ
ГАМЛЕТУ
1964 ГОДА

Фото М. МУРАЗОВА

1
Закрито солнце облаком —
И белый свет погостил...
Залюбуясь за отроком
Всехом кончался...
Бранные чекот четкое,
Скрудь да клубочек...
Но — и Давиду Черному
Палест в ученике...
И вот — рука художника,
Уверена, легка,
Черты святых угодников
Наносит на лавкас...

2
С воянами уткнулся
Не может Богомудом
То бороды доуказав
Смолят иноицаста,
То кудру — с любовью, с болью —
В лице святой инок
Вывагнетса бровь соболья
Крестянина молодой,
То в плавном круге «Грощады»
До сваяных слез в глазу
Воспламенит распроект
Российска натуря,
И, — что монахов дразнит,
Что для борр — беда, —
Лякующа
Страшног Сурдл.

3
1. СКАЖИТЕ, ТРУДИЛО БЫЛО СНИМАТЬСЯ?
— Нет, Стелма — моя жизнь, а развлечение — трудно было жить? Если бы меня спросили, трудно ли не сниматься, я бы сказал: да, очень трудно. А сниматься? Так же, как и жить. И трудно и легко.

2. СКОЛЬКО ВЫ РАБОТАЛИ НАД ГАМЛЕТОМ?
— Возможно, читатели знают поочередную историю о том, как ответил один художник богатому заказчику, возмущенному тем, что художник не успел за два часа работы получить большие деньги. Художник ответил: я писал свою картину всю жизнь и еще два часа! Мне нравится этот ответ, и я скажу, что работал над своим замечтом всю жизнь, и еще один год.

3. КАКИЕ ИЗ ВАШИХ РОЛЕЙ ПОДОЛГАИ ВАМ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ДАТСКОГО ПРИНЦА?
— В какой-то из моих ролей есть Гамлет. Даже в неудачах. Ведь неудачные роли рождают сомнения, гордость, мысли, размышления — в том, что надо делать и что не надо, и о том, хваит ли сил и таланта идти по такому пути искусства. Это тоже Гамлет. Но еще, видимо, образы из моей актерской биографии, которые, как ступени, вели и человеку Цескиспиря.

Вспомню историю Фарбер в фильме «Солдат». Вся сцена его в словесной и в музыкальной форме в его внутреннем мире. Он математик, представитель хитрой «городской» профессии, интеллигент. Он любит символическую музыку. Он добр, ему страшно подлить руку на человека. В минуту фронтного затышка он, стеснясь, привнес товарищу, что выводит человека на дуд по морду. По всему внешнему Фарбер из категории «непривлекательный». И однако же, он проявляет огромную стойкость и верность своим идеалам и становится отличным командиром, любимым солдатами. Только его стойкость не отпадает, а усиливается, а на его от способности и потребности мыслить.

В театре любимой моей работой стал князь Мышкин. Я сыграл эту роль в сцене Большого драматического театра в Ленинграде в юбилей-

ном для Достоевского сезоне 1958 года. Споевнявший образ — удивительно истинный и глубокий, человеческий сознаний и вместе с тем требующий порой детского внимания к запутанному восприятию жизни.

Потом две роли в кино. Два удивительно молодых человека — Один — उत्तоченный интеллигент, блестящий философ-теоретик Илья Кузнецов, в фильме Михаила Ромма «Девять дней одного года» — другой — несочувствительный, антипатичный Геннадий из фильма «Воскресный полк», сыгранго Александром Эфросом по драмату Веры Павовой «Времена года». (Здесь непременно надо сказать, что мне везло: я работал над «Идиотом» с Г. А. Товстоноговым, а над фильмами, которые сейчас назвал, — с М. И. Жоммом и А. В. Эфросом. Это интереснейшие режиссеры, глубокие и очень разные художники. Им всем присуще чувство времени, они болезнег его проблемами серьезно и постоянно).

Два характера, которые пришлось создавать почти одновременно, никак не привели меня в сегодняшнюю жизнь, у него потребность, размышлять самостоятельно обо всем, начиная от своей науки и кончая историей развития человечества. Я представляю себе, как он интереснее всех на свете — «конечной музыки», и находками в районе Иранского моря, и бог еще знает чем, но всем этим — естественно, на ежедневной пиццей. И все это он стремится переварить в собственном мозгу и сделать свои выводы, что, может быть, иногда и неверные. А по отношению к своей профессии он как музыкант-художник. Он работает долго, медленно и немного констатирует эти...

А Геннадий — шофер, незадачливый сын многопопытных родителей, он ленив духом и думает трудно, только ворочает глазами, и вообще предпочитает пить, по течению, которое чуть не сбрасывает его на дно, чуть не приводит к преступлению.

Но где же здесь Давид? — спросит читатель. Работаете ли вы друг по черточке, но критично эти характеры? Здесь есть Гамлет, уверяю. И во все же где. Мне повестилисьлись сыгранго Мопертта в фильме «Король» В. Горнера «Молнар и Селлеры». Это фильм-романс. В фильме Рубинского «Король», там была уже готовая фольклорная, тенне и исполнением Лемельска и Шаркова. Конечно, в создании образа здесь возникли дополнительные

трудности для драматического автора. Но все равно мне хотелось попробовать создать живого человека, а не оперный персонаж, тення музыки, и такого, чтобы он однако чужо злодейство по злобойни в его уста пушкинской формуле, но чужо неуважение к человеку, и личности, какого бы масштаба она ни была, пусть даже это личность андара негодного», а не Рафаэли. Молнар — живописец Молнар — демократ. Молнар — дитя, озорин и в то же время озааряемый такими проредениями, какие недоступны никому, кроме себя.

— разве в Гамлете нет этого? Вот мои ступени и шенспировскому человеку. Только нельзя понимать это прямолинейно, что вот-де черточку отсюда, черточку отсюда сложить, и получится Гамлет. Здесь, конечно, сложное соединение. Важен метод отношения к человеку, и образу. Ведь можно, наверно, по-другому сыграть роли, которые я пережил. Другой актер, видел бы в них иное. И видящую роль начинаешь с чистого листа!

4. В ЧЕМ ВЫ ВИДИТЕ СОВРЕМЕННОСТЬ ГАМЛЕТА?

Надо, Гамлет всегда современ. Потому что великий человек во все времена проходит в своей жизни в том или ином состоянии теми же путями, что и Гамлет. Но другим, живящим в Гамлета, выкидывает в него свою личность, а личность его сформирована временем.

Трудно отвечать на этот вопрос, но сейчас, что для меня шенспировская трагедия не выглядела классической. У меня не было никакого интереса перед ней, а сейчас, этанго священного трепета, заставляющего произносить чуть ли не возвышающим интонации классика! Я никак не чувствуюва неприсоединенности, святости пьесы. Я не могу себе представить, что в таком близком и ясном человеке, как Гамлет, что возмущающим характером и светлым умом, с его демократическим может быть, что-то такое таинственно-глубокое, что-то такое шаманское, что-то кудя никак нельзя прокумуть.

— о чем — философ? Но перед собой «философия» у меня не возникла никакого почтения. Философия — это часть жизни, а жизнь, вокруг, в нас, во мне.

3
Чтоб власть и силу множить
Надоед ли их века,
Или надо

в страхе боящем
Держать
мудника,
Но лаву глумных мыслей
Попробуй сдержат,
Когда
такое

испти
Смеют
держат!
Когда холоня в храме
У змвях инок
Глудя забав о страже,
Светло и далеко,
Когда идут к порогу,
Шаны тереба,
Не с верою в бога,
А с верою
в себя!

В речку сбегает струйка,
И в речку теет...
И — разинские струи,
— грозы Пугачев,
И — облесные косы,
На стали топороп...
И все это — Россия,
И все это — Рублев!

5. НАДО ЛИ ЧИТАТЬ ТРАГЕДИЮ ШЕНСПИРА ПЕРЕД ПРОСМОТРОМ ФИЛЬМА, ИЛИ ЧИТАТЬ?

Конечно, надо читать! Вообще, Шенспира никто! берет столько, сколько можно, а может столько, сколько позволяет его развитость, его гражданственность. Гамлета фильм не для того, чтобы убить врагов, и даже не для того, чтобы различить, что есть с его папа, сыном Гуаливера, тогда было бы другое дело. Он еще не подтверждает, что когда он вырастет, то герой бесмертного творения Шенспира окажется далеко не таким простым и предстает перед нами не отчаянным и бравым путешественником из девяти индий, а героем язвительнейшей сатиры. Так и Гамлет. Он преобразуется по мере того, как преобразуется его зритель. Впрочем, это не исключает и того, что фильм может не понравиться кому-то. Ведь это — искусство. Оно не может одинаково восприниматься всеми.

6. ЧЕМ БЫЛА ДЛЯ ВАШЕГО ГАМЛЕТА ЛЮБОВЬ К ОФЕЛИИ?

— Я уже чувствую, что автор этой записки не любил Офелию, исключая ли его любовь — дружбу, товарищество — одна любовь — любовь — конечно, не пишется в повестке диспутов «О любви и дружбе».

Любовь Гамлета к Офелии была любовью к брату, малой и сорочке тысяч братьев, любить не мог!

Между прочим, некоторые зрители в этой пьесе считают, паре хотеть видеть, то же, что и в Ромео и Джульетте. Это неверно. Здесь дружба, Гамлету тридцать лет, он зрелый человек, а расцвет творческих сил. Его любовь — любовь зрелого человека. Она, может быть, менее пыла, но не менее традиционна — одно слово Джульетты — всем мы.

7. ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ТРАГЕДИИ ПЕРЕД СЪЕМОМ?

— Нет. Я читал Шенспира. Я родился в 1925 году, а в 43-м, восемнадцатилетним, попал в лагерь. Думаю, эти даты существовали для моего Гамлета.

Бабульнич

Е. НОСОВ

Рисунок О. ВУКОЛОВА

РАССКАЗ

Но перрону сквозил сырой ветер. Март уходял без солнца, хмурый и слизкотный, и было еще много зимних шапок и воротников. Но нос у него уже нестрили и руках первые тыдлыны. Желтые и алые нитки среди темных пальто. Их оранжерейную нугу берегли в целлофановых обертках к приходу дальневосточного скорого.

Вика пробралась среди встречающих в самый конец платформы. Нитки потовалых туфель уходяла в серую мглу пеняства и тускло блеснули мокрой накатанной сталью. Вика поджала воротник, засунула руки в карманы пальто, прислонилась к бетонной опоре.

Вчера она получила странную телеграмму. Были названы только номер поезда, вагон и подпись: Полушкина. Клавдия Антонова, Викина свекровь, пригнавая телеграмму, поджала ее с поджатыми губами.

— Кто такой? — спросила она, выжидающе стоя у стола.

Вика видела на темной полированной крышке стола кулачок свекрови — ухлывающий, в рыжких крапинках, с золотым, болтающимся кольцом на безымянном пальце. За четыре года замужества Вика никак не могла привыкнуть к этой женщине с аккуратными укладкой седых волос, властностью и холодной степенностью напоминавшей горьковскую Вассу.

— Не знаю, — задумчиво проговорила Вика, сляясь вспомнить, кто такой Полушкин.

Когда-то у нее было много знакомых в Сибири и на Дальнем Востоке. Однокурсники по институту. Но потом связь с ними постепенно оборвалась без всяких видимых размолок, просто так, за обещанием прежних приваженностей. Среди институтских товарищей, кажется, никто не носил такой фамилии.

— Ты должна покавать телеграмму Борису. Он все-таки твой муж! — Голос Клавдии Антоновны был настоячным, не принимающим возражений.

— Хорошо, я покажу, — ответила Вика и, почувствовав, как задрожал подбородок, закусила губу.

— Вот уже и слезы! Боже мой! Нельзя ничего сказать!

— И я даже не знаю, кто это... — Вика встала и ушла в спальню.

— Викторий Перестави! И ничего не подумала дураго... — Клавдия Антонова говорила, как всегда, растативя слова, отчего все ею сказанное обретало непоколебимую значительность. — И только хотела предугадить, что если это какой-нибудь твой родственник, то... Ты должна помнить, к нам нельзя. Леонард Андреевич совсем плох. Ему нужен покой. А главное, Борису надо заниматься.

Раньше, будучи студенткой, Вика испытывала трепетное благоговение перед всякими учеными стенами. В этом не было никакой тайной корысти, одно чистое, святое преклонение. Замуж она вышла по любви, а не из-за будущей карьеры аспиранта. Но когда ее Борис стал кандидатом, это звание утратило для нее святость.

Когда Вика проснулась, Борис еще спал на своей кровати-близнеце, поставленной рядом.

В серое окно однообразно и скучно барабанила мокрая крупа. Утро занямалось обыкновенно, как вчера, как всю эту неастаную неделю марта. Все выглядело буднично, и Вика даже не сразу вспомнила, что сегодня день ее рождения. А вспомниа, тихо задумалась, прихватила край простыни губами. Прислушивалась к самой себе, она не чувствовала той трепетной радости, какая приходила прежде в утро этого дня, а, наоборот, испытывала ощущение непонятной усталости и тревожного беспокойства.

Она достала из-под подушки вчерашнюю телеграмму и еще раз перечитала все, что было напечатано на бланке...

Борис, заспанный, помятый, нашел ее на кухне, ткнулся в шеку сонным, сухими губами.

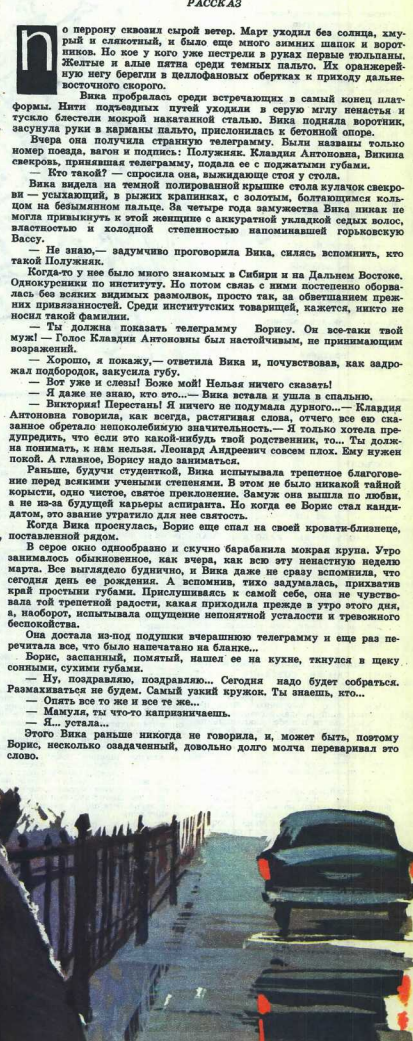
— Ну, поздравляю, поздравляю... Сегодня надо будет собраться. Размазкваться не будем. Самый укий кружок. Ты знаешь, кто...

— Опять все то же и все те же...

— Макуди, ты что-то капризничашаешь.

— Я... устала...

Этого Вика раньше никогда не говорила, и, может быть, поэтому Борис, несколько озадаченный, довольно долго молча переваривал это слово.

заглядывает в окна. В поезде все спит. Подбегает ко мне, полушубок нараспашку! «До Москвы?» «До Москвы». «Дружине, сделай одолжение, первый выдох по адресу». Сузуг мне гудок свернулся в прыжок. В это время поезда тронутся. «Кому передает?» — крикнул я. Человек бежал рядом с вагоном. Я достал автокуртку, и он успел сказать адрес. А потом, уже отставая, крикнул: «Не забудь в воду поставь! Поставь в воду!»

Вика смотрела на багунлик. Он был весь еще в каплях дождя. В теле от цитов неутождимо велью дикой снежестью далекой земли.

— И он не назвал себя?
— Нет... Я поставил бутылку в воду, как просил тот человек, — сказал Полуэтик, помолчал. — В Иркутске они стали окиснять. В Новосибирске забросили бутылку...

У меня секунда дельта рождения. — тихо проговорила она.
Окно кафе налилось еиновой оумерек. Дали свет. Полуэтик взглянул на часы.

— Можю, я провою вас на поедат? — попросила Вика.

— Я буду рад.
Они вышли из кафе. На площади в тумане плавились желтые круги отней. Они вали такса и поехали на Курский.

— Почему вы не самолетом? — спросила Вика.
— Предпочитаю по старине, поодом. Хочется посмотреть на землю поближе. И ведь е почти не вижу. Так вот зарпосто завалился на полку, ни тебе высотомер, ни обличности... За окном обыкновенные сосны, разъялды, люди... Кружжу чина на станции выпить — это же удовольствие! — Полуэтик как-то отню доверчиво и добро улыбнулся.

Она едва не оспалась в поезде. Посадка уже заканчивалась. Летчик пожал Викину руку и вошел в вагон.

— Прощайте к нам, — помахан он с площади.

Вика грустно улыбнулась. Она постоила на перроне, глядя на убегающий красный фонарик эхостового вагона, потом медленню, машинально спускала в кошелек. Плащастя пестро биселаста мокрым асфальтом, мокрыми горбами автобусов и такси, мокрыми плащами и зонтиками приковаальной сутюлки. Ее несколько раз останавливали, спрашивали, где она купила «такие прелестные цветы», никто не мог сказать их название. Вика проходила мимо, не задерживая, потому что объяснять было долго и не хотелось.

«Это, конечно, все Юрна, — думала она, — он все такой же. Только он один мог сделать это...» Ей было грустно и тревожно. Вспоминала о Юрне, она подумала, что он и сам похож на этот багунлик. Такой же колочий, оршистый... И вдруг вот так неожиданно вспыхнул... Чужд...

Она все так же машинально села в кольцевой автобус, доехала до площади Восстания и оттуда пешком дошла до дома на бульваре у Никитских. Домой идти не хотелось. Она приспособилась к чутливой ограде напротив. Сказав родителям только ветки клонив гряды, свистящих окна ее квартиры на втором этаже в старом дорожном особняке.

Горела большая люстра. Значит, уже гости. Опять собирается все та же компания. Ворисовы друзья. Ее будут подражать, будут говорить приятности насчет «уменьшо симпатичной» квартиры и ореховых крафий. Как же она достала такую роскошь! И, разумеется, насчет Ворисова наиддачества. Ей насует всяких безделушек. Борис тоже подарит что-нибудь оригинальное и полезное. Например, поваренную книгу в белом пластмассовом мошемоше переплете с именной гравировкой. Или особенный ободенный серииз, из которого будет ест. сам.

...Ее поедает потом забудут на кухню, где ей придется придумывать что-нибудь «аккусеньное». Все это будет называться днем ее рождения.

Она наперед знала, что уже пришла и как все это будет. Пришла эта молодящаяся Ружфа. Сбросив «шпильки», она сидит теперь на такте и выставляет свои литые чутливый колени. «Мальчики» будут подовать ей со стола закуски, она машает в соуснике красных окурной и заликает ее под такту. Пришел этот подождей надежды Модельяны с Серпуховки. Не пропустил, конечно, случая и Гонша со своей крашеной секретаршей. Наверное, уже выплоза «посмотреть на молодежь» и сам Леонард. Андревич. После первых бутылок начнутся бесовые сны. Все что там происходило, отсюда, с улицы, казалось, приржачал и неживыми. Но Вика знала, стоит ей подняться по лестнице, как все это будет озвучено, обретет запах, цвет, форму и станет опять ее жизнью...

И когда совсем рядом под навесом деревьев засветился зеленый огонь, Вика с какой-то колочидой рпимностью шагнула наверх и подала руку с багунликом.

«Хорошо, что и отвела Татьянку к маме», — вдруг обрадовалась она, когда машина уже мчалась по бульвару.

— Куда едем? — не оборачиваясь, бросил водитель.

— Помадуется, на Каланчевскую.

— Это у трех вокзалов, что ли?

— У трех вокзалов.

Она ехала, забившись в темный угол пустой, гулкой машины. Влажные звездочки багунлика дышали в ее лице звонами талого снега, ташего ветра, растертой в пыльных горной и терной молодой юрны и еще чего-то тревожащего и возущия.

Москва встречает гостей. В Москву съезжаются посланцы одного поколения земного шара. Форумом солидарности назвала молодежь предстоящую встречу. В чем же солидаризируется переродившая юность планеты?

В невинности ко всем порабителам, и колониалистам и их приспешникам, и производимым империализма и неоколониализма. В стремлении строить новую, счастливую жизнь в условиях полной независимости, подлинной демократии. В твердой решимости отстоять дело мира.

Каждый день приносит новые примеры боевой солидарности молодых.

Она проявляется не только в борьбе против расизма, но и в борьбе за прогресс. Что волнует сегодня молодежь стран, недавно вступивших на путь национальной независимости?

Предоставим слово Куррума Фонта, члену бюро национального совета трудящихся Мали:

«Предстоящий Форум солидарности будет полезен тем, что представители молодежи развивающихся стран смогут использовать все лучшие достижения в борьбе с отсталостью и нищетой.

ТРИ

Международный аэропорт столицы. Через несколько минут отправляется самолет Москва — Дели. Среди туристов и дипломатов, деловых людей и общественных деятелей Индии — группа молодых советских ребят. Рядом с ними груда вещей, сваяки штакетов, сверху лежит гитара в чехле, ослепленные ружья. Так едут на целину. Но сегодня маршрут пройдет адями от просторных степей. Они едут в горы, самые высокие горы мира.

По согласованию с Непалом, Советский Союз будет безвозмездно строить автомобильную дорогу Джанакпур — Смир, участок магистрали

Гана. Советские специалисты помогают провести топографическую съемку в районе горы Та-корари.

МАРШ В ВОСТОК

На первый план в этой борьбе мы ставим создание национальных кадров.

А вот мнение заместителя председателя Федерации профсоюзов Цейлона Дж. А. К. Перерет: «Предстоящий форум будет очень полезен. Проведение его создаст хорошую атмосферу, которая будет способствовать совместным действиям молодежи... Молодежные организации Цейлона неустойчиво выступают за улучшение условий жизни народа. В первую очередь за создание независимой национальной экономики.

Молодежь с энтузиазмом участвует в строительстве металлургического и шинного заводов, передела национальной индустрии, создающихся по советским проектам и с технической помощью Советского Союза».

Создание национальных кадров, создание национальной экономики... Здесь солидарность проявляется в трудовых делах, в баснопрестигной Британской помощи. Разнообразны проявления солидарности советской молодежи с молодежью стран, вставших на путь самостоятельного развития. Вот только некоторые факты и цифры весьма впечат-

ляющей статистики. Они рассказывают о помощи советского народа народам молодых государств в подготовке национальных кадров.

В учебных заведениях СССР обучается около 24 тысяч индийцев и леопард из 128 стран. В прошлом учебном году в вузы и техникумы СССР было принято свыше 4 тысяч студентов-иностранцев, главным образом из стран Азии и Африки.

Только в вузах Москвы и Ленинграда в этот же период аспиранты из Индии, Индонезии, ОАР, Мали, Гвинеи защитили 20 кандидатских диссертаций. Большинство разработавших проблемы, связанные с созданием в своих странах новых отраслей промышленности, интенсификацией сельского хозяйства, сооружением электростанций.

Советский Союз помог в создании технологических институтов в Бирме и Индии, технической школы в Эфиопии и первой очереди политехнического института в Гвине. Теперь с нашей помощью строится высшее техническое училище в Камбодже, технологический факультет в Индонезии, учебный сельскохозяйственный центр в Мали. Полным ходом развернулась подготовка к со-

оружению учебных заведений в Афганистане, Тунисе, достигнуто соглашение о строительстве трех школ в Йеменской Арабской Республике и средней школы в Сомали.

Как ни значителен скачок в области развития образования, достигнутый молодыми странами, им все еще не хватает своих специалистов: инженеров по ликвидации экономической отсталости провинции колониализма. И здесь на помощь своим зарубежным товарищам приходят посланцы советской молодежи. Многие специалисты — врачи, инженеры, ученые, строители, педагоги, квалифицированные рабочие — очень нужны там, где колониализм оставил страшное наследие: болезни, голод, неграмотность, архаичную промышленность...

Чтобы рассказать об их работе, наши корреспонденты побывают в десятках стран мира. Червики, репортажи, заметки, фотографии под рубрикой «Маршруты солидарности» будут регулярно появляться на страницах «Смены». Сегодня мы публикуем три интервью, взятые недавно совсем недалеко от Москвы, в аэропорту Шереметьево.

ВСТРЕЧА В ВОСТОКЕ

«Восток — Запад», которая пересечет всю страну. Трасса будущей дороги пройдет через джунгли, где тигры и дикие слоны еще не слышали звука автомобильной сирены, а бурные реки в период муссонных дождей превращают целые страны в архипелаги островов.

В район будущего строительства дороги вылетает первая группа изыскателей-дорожников. Их четверо. Волода Заречий, руководитель группы, уже бывалый изыскатель. Янутия и Средная Азия, Урак и Казахстан — вот районы, где им пришлось прокладывать дороги. В

Сирия, Ираки, участники советско-сирийской экспедиции, бурят скаканы. Где-то здесь, под расклеванным песками — водосные слои.

он едет второй раз. Жена Осинин — вчерашний пробаб, зарвавший охотник. Мечтает о встрече с леопардом. Его взволновали рассказы участников прошлой экспедиции об охотничьих трофеях: возле палаток наших ребят сушились шкуры и тигра и леопардов. У Саши Богачева свое ружье — узкокопленный киноаппарат. И, конечно, он тоже не прочь хорошо зареабать леопарда. А гитара принадлежит Юре Абрамону. Он везет с собой в Непал неистощимый резервуар «советских пива». У группы словесно и интересное задание — определить режим бурных непальских рек: без этого нельзя правильно рассчитать мосты.

Через три месяца, когда утихнут муссонные дожди и спадет вода в реках, в Непал выедет экспедиция дорожников и геологов. Она определит направление дороги и составит проект. И тогда в далекий Непал поедут строители...

Рабата улетела в Дели, а мы тут же познакомились с человеком, только что приехавшим из этого города.

— Я пробыла в Индии ровно год,— рассказывает московский врач-физиотерапевт Любовь Никитична Дичинова.— Работала в научно-практическом педиатрическом центре, принадлежащем советскому Красному Кресту. Он расположен в помещении клиники медицинского колледжа «Леда Гардинг» в Нью-Дели. Здесь совсем советских врачей лечат больных детей, проводят профилактику детских болезней, читают лекции для индийского медицинского персонала. Работы у нас очень много. И это понятно. Английские колонизаторы обрекли миллионы индийцев на мучительное голодное существование. Здесь была рекордная детская смертность, а средняя продолжительность жизни не превышала 30 лет. Эпидемии самых страшных инфекционных заболеваний навывались на жителей Индии, унос в могли тысячи и тысячи людей.

В стране населяемом почти в 400 миллионов человек врачей-индийцев было всего несколько десятков... Сейчас советские врачи помогают народам Индии ликвидировать эти страшные последствия колониализма — помогают расти здоровую молодежь. Советская противополонизационная работа спасла жизнь сотням тысяч индийских ребятных родителей со слезами на глазах приходили благодарить работников нашего центра, говорили,

что навсегда останутся признательны советскому народу за помощь в трудную минуту.

Мы стремились обучить индийцев профилактике и лечению широко распространенной здесь детской болезни — рахита. И думается, что весьма преуспели и в этой области.

Давно не приходилось мне переживать такие волнующие минуты, как в тот день, когда наши индийские коллеги закончили курс обучения и в торжественной обстановке получили соответствующие удостоверения. И самой большой радостью для нас, советских врачей, в Нью-Дели были первые успехи в лечении опасных детских недугов, которых добились ученики — индийские медработники.

Здесь же, в аэропорту, видим дочерня заруляющую девушку.

— Вы не из тропиков?

— Да.

Галина Зенкина приехала в Москву в отпуск из знойного Мали. — Вот видите, волосы совсем выгорели,— смеется она.— Сосульки по прохладке, а в Моксие тоже африканская жара!

Я работаю преподавателем русского языка в лицее Асма Муаммад и в школе общественных работ в Бамако.

Интерес к изучению русского языка среди малайской молодежи огромен. С жаждой изучают наши книги, газеты, журналы. Малайцы быстро овладевают нашей разговорной речью и говорят почти без акцента. Это объясняется тем, что их язык «амбарра» по фонетическому звучению близок к русскому.

В советском учебном центре в Бамако получают специальность инженеры, столяры, монтеры, механики более двухсот молодых малайцев. Все они стремятся выучить русский, чтобы быстрее получить секретные мастерские специалистов. Будущие малайские столяры и слесари своими руками оборудовали кабинет русского языка, украсили его портретами русских и советских писателей.

Помню как для закрепления навыков устной русской разговорной речи мы решили провести с учащимися необычный урок. Урок-обед. Мы с подругами приготовили обед из русских национальных блюд. Наши ученики были в восторге и от еды и от гречневой каши, и, конечно, от кваса. В Моксие обязательно куплю им в подарок «Киню» о вкусной и здоровой пище...

Корнилий ЗЕЛИНСКИЙ

познакомился с Николаем Островским в самом начале 1936 года (или в конце 1935 года), в предпоследний приезд его в Москву. До того три года Островский прожил в Сочи. Это были годы рождения его взыскной и всепоглощающей славы. Роман «Как закалялась сталь» к тому времени уже вышел несколькими отдельными изданиями. Роман появился на английском, французском, немецком и японском языках. Имя Николая Островского было на устах сотен тысяч и миллионов читателей. Только что правительство наградило Островского орденом Ленина, как, сказано в постановлении, «героического участника гражданской войны, потерявшего в борьбе за Советскую власть здоровье, самоотверженно продолжающего оружием художественного слова борьбу за дело социализма», автора талантливого произведения «как закалялась сталь», Слева Островского зашумела во всей стране. К нему хлынули люди. Каждый наперевоз старался что-либо сделать для Островского. Ему посылали подарки. Украинское правительство нахло строить ему новый дом в Ужце. Московец предоставил в Москве квартиру на улице Горького, возле самой площади Пушкина.

Здесь, в этом доме, и впервые я увидел Островского. По приезде его в Москву издалась «Советский писатель» решило издать «как закалялась сталь» у себя. Но так как, по заведенному обыкновению, может быть, и правильно, все издательства считают, что книга до них в свет как бы не выходила, все начинают производственный процесс с самого начала. Поэтому меня пригласили редактировать это новое издание. Я пришел к Островскому вечером, и мне показало, что я попал в комнату больного и, более того, серьезно больного человека. Тяжелые, сухонные джарпы скрывали дверь. Лампа с зеленым абажуром стояла в глубине комнаты на столе, создавая спокойный полусумрак. На столе — телефон на длинном шнуре, тут же радио. На стене — портрет. И ничего личного. Абсолютная тишина, притупленные движения домашних — все это усиливало впечатление того, что хозяин комнаты окружен не совсем обычной заботой и что это связано с его баснописным состоянием.

Островский лежал на постели под теплым одеялом до пояса. Был он во фроне, и голова его была немного запрокинута на высокую забитую подушку. Прекрасный, чистый лоб его и выдающиеся глаза были обращены вверх. Он был так худ, что казалось: фронт пустой желтой на подушке.

Как только я переступил порог комнаты, он заговорил. Я никогда не забуду его голоса — молодого, сильного, богатого модуляцией. И этот добрый голос, его смех и юмор, который он вкладывал решительно во все, особенно когда говорил о себе, — все это разом сгустило, как внешнюю шалуну, все обильнейшее впечатление. Это было так неожиданно, что я несколько онемел.

— Это Зелинский? Корнилий? Знаю. Слышал. Ну, видите, ближе, ближе, дайте мне руку. Ты не уходишь, — продолжал Островский, переходя на комиссионское «ты», — знакомая, я должен поддержать человека за руку. Эта селенная природа оставила мне довольно мало контакта для общения с людьми. Но ведь нашего братца, большевиком, не текло просто ваять. Я ее пере-

зирнул, эту природу. Я выработал свой способ сближения и узнавания людей. Во-первых, я люден «чувствую», когда держу их за руку. Кроме того, у меня образовалась привычка еще расстроившись, спрашивать друг о друге. Ты уж не обижайся, я и о тебе спрашивал: кто же это такой, мой новый редактор? Я, конечно, слышал о тебе. Ты не думай, я теперь знаю всю твою писательскую братню. Славу тебе отравило, что очень хочу почувствовать, как ты прочтешь мою книгу. Ведь ты ее будешь присылать и в люди выводить. Что присылать — это неплохо, а вот какой грешенкой?

— А, во-первых, то, что я сейчас работаю уже над другим романом. Над романом «Рожденные бурей». Кстати, буду просить тебя тоже прочитать главы, когда соберется порядочный кусок. Мне, признаться, не с руки сейчас возвращаться к роману «Как закалялась сталь». Учти, что ведь мне даже для того, чтобы исправить строчку в странице, нужно же мысленно вспомнить, переписать. А что только дописывать я сейчас не в состоянии. Во-вторых, признаюсь, хотя, говорят, что это ольштан-таки наиболее место у всех начинающих авторов, мне синяков разные редакторы тоже ставили порядочно. Иногда редакторы помню крайним словом.

— Когда же это успели настать? Один роман написал, прославился и уже за редакторы, которые ему помогли, собирается приниматься. Не благодарю.

— Нет, без шуток, — продолжал Островский, перебирая левой рукой мои пальцы. — Я своих редакторов не хваю, но ведь были и такие перестраховщики, что хотели, например, выбросить одну сцену Корчаткина с Тоней. Не может, говорят, пролетарский парень возматься с буржуазной барышней. Ну, нет, этого я им не отдал. Вообще, если начать вспоминать, как меня учили, да по моей рукописи рисовали, то это значит вспоминать не только, как я учился, но и как я дрался. Кроме того, самый первый вариант романа потеряли на почте.

— То есть как это «потеряли»? — Я очень прошу. Это у меня сначала была повесть о коточках. Я описал только те годы, когда был в дивизии Котовского. Послал редабтам по дивизии прочитать. Те прочли, одобрили, послали мне обратно рукопись, а она не дошла. Теперь-то у единственного оригинала, конечно, не послал бы, но ведь тогда не на что было и перепечатать. Впрочем, я и говорить об этом не желаю. Если начать жаловаться, то в течение долгого времени, что и весь человек там утонет. Где-то у Горького, кажется, я читал (тут я впервые отметил для себя, что Островский почти не говорил «мне прочти», а всегда «я прочел»), я читал, что люди при встрече часто обмениваются являющимися у того не то, у этого не се. А почему не обмениваться своими удачами! Это не только веселое, но и полезное. Я сам более или, большевиком. Терпеть не могу сплюнцать.

Я знаю, что хочешь — продолжал он. — Я мечтаю, чтобы мой роман издали тиражом в миллион. Понимаешь, миллион! Книг — это мои солдаты, красавицы! Я их полюбовался. Я веду их в рай, как вы предостерегаете гражданке. Многие еще не понимают, что такое фадом. Представь себе, что на улице вы встретите сумасшедшего с бомбой. Куда он ее швырнет? Там, а Па-

ркине и Лондоне, только хотят и озают, и вьются и пылятся. Но только рабочий класс Советского Союза, только большевики видят и понимают фашизм наизусть и дадут ему отпор. Я вот иногда пишу и представляю себе, как с фашистами на улицах германских городов идут отстрелынные шумовники. Мне кажется, что я слышу их вопль «Хайль Гитлер!» И поэтому я хочу вооружить фашизм наизусть и дадут ему отпор. Я вот иногда пишу и представляю себе, как с фашистами на улицах германских городов идут отстрелынные шумовники. Мне кажется, что я слышу их вопль «Хайль Гитлер!» И поэтому я хочу вооружить фашизм наизусть и дадут ему отпор. Я вот иногда пишу и представляю себе, как с фашистами на улицах германских городов идут отстрелынные шумовники. Мне кажется, что я слышу их вопль «Хайль Гитлер!» И поэтому я хочу вооружить фашизм наизусть и дадут ему отпор.

В самом деле, чего не хватало, чтобы вы издали книгу тиражом в миллион! Бумаж! Хочешь, я сейчас позволю в ЦК комсомольца! Давай поговорим об увеличении тиража. Ну, что это за тираж — 10 тысяч! Подержи телефон, я скажу номер.

Я несколько улыбнулся горичности Островского, с какой он говорил о тираже, и подчинился его осведомленности во всей мажорности происшедшего книги. Островский чувствовал мою улыбку, не видя ее.

— Ты, может быть, думаешь, что у меня закружил от позав голова и я хочу, чтобы печатал только меня? Ошибаешься. Мне занятие остротливо. Я прекрасно знаю, кто я такой. Я просто рабочий парень. Я знаю, что мне еще надо учиться и учиться. И ты, как критик, будешь мне не другом, а врагом, если станешь мнидальничать и не говорить мне о моих недочетах в литературе. Твое дело критика — помогать мне делать мое дело еще лучше. На то ты и критик. Мне фамилия не нужна. Недавно я прочел (опять же прочел) в одной украинской газете статью, которая называлась «Великий пролетарский писатель». Это обо мне. Дурачек. Дурачек а залябле — вот и все. Великий пролетарский писатель — это Горький. Горький — великий. Он один пока. Среди писателей. Нельзя с этим словом играть.

Вообще у нас иногда терпят чувство меры. Недавно я узнал, что я подвезду дома, где мы сейчас с тобой сидим, была бунинистическая лавка.

— Не то, чтобы лавка, — сказал я, — а так, вроде прилавка, где попадаются неплохие книги.

— Ну, так вот ее убрали, она оказалась, из-за меня. Врачи сказали, что это небезопасно с точки зрения инфекции, поскольку моя квартира рядом, а тут целый день ходит разный народ. Ну, и закрыли лавочку. А в, скажи, тебе узнавать рассудился. Какой я такой фон-борст, чтобы из-за меня переполох устраивать. Просто неловко да же.

— Но ведь врачи, может быть, были правы. И потом, что за лавка в парадном!

— Это я понимаю. Но то, что из-за меня сделали, — нехорошо. Мне это неприятно. Мне даже неловко, если хочешь знать, что в Сочи взяли меня дачу строить. Не буду врать! Мне это очень неприятно, но почему-то. Я не понимаю, почему маме и согласился. Пусть она поживет в Сочи. Сколько моя мать в жизни натерпелась при господстве одного беляшского натриала. А сколько забот и хлопот я ей стоил!

Вот мать — это вполне слово. Недаром Горький и роман так назвал. Скажи, ты видишь иногда Алексея Максимовича? Обо мне с ним говорил? Скажи, он «как завалился стелу» читал — это бросал меня Островский, выходящий из дачи, бросал мне: напишу ему, напишем пошло.

Вспоминание

А потом вспомню: сколько у него дел, сколько народа вокруг него!

А все-таки мне без Горького никак нельзя. О нем еще Ленин сказал, что он первый авторизовал пролетарского искусства. Я все слушаю, кто мне что скажет. Учуся у всех. Но авторитет для меня оккупационный! — он, Горький.

Я сказал, что Горький сейчас в Крыму, в Тесели.

— Это ты слышал, что не в Москве, но, если увидишь, Алексея Максимовича, то дай ему какое-нибудь издание... Так что, будешь книгу снова у него гладить? Вынимай, что у тебя там за пазугой.

Разумеется, роман был уже мной внимательно прочитан. Я усвоил Островского, что никакие предостережения автору что-то перерабатывать или сокращать у меня нет. Мои замечания касались только стилистики.

— Но ведь роман уже столько народу смотрел. Неужели ты еще что-нибудь поймай!

— Ну, вот, например, на первых страницах сказано: «Зина, отведи мальчика в судюмоюйку». «Дверь в судюмоюйку открылась, и в нее вошли трое офицантов, неся груды грязной посуды». А через несколько строчек сказано: «Помоля судюмоюйку Аниса, посмотрай на дверь, сириную Павку, сказала...» Так что же «судюмоюйку» место, где моют посуду, или та, которая моет посуду! Одно из двух.

Островский изнеможенно сдыхает суть.

— Да, это не очень ладно. А но ты предлагай!

— Пусть в первом слове будет «судюмоюйнич». Хорошо. Это по типу слова — «водогройнич». Судюмоюйка. Ладно. Ну, одну «блоху» поймай. Дальше.

— Вот у тебя сказано: «иснував на лоб кепку...»

— Ага, это в том месте, — сразу вспоминает Островский, — где Павка удит рыбу. Лучше скажите: «надвинув на лоб кепку».

— Или «густо надвинув, бася...». Давай вычеркни «густо». Или «Павка скинвает мехи гермончи». По смыслу должно быть — «двигает мехи гармонич». Или в тексте сказано: «глаза парозав...» — отвоевывали у ночи лишь десяток метров». Зачем эта метафора здесь! Проще сказать: «фонари парозав...»

— А что получается? — отвоевывали. Неточно.

— Убедил, убедил, — рассмеялся Островский, — боялся, что мой новый редактор будет «рубать по живому мясу», а за такие вещи я буду только благодарен. Исправлю... и все. Вот как мы успелись ты прочти все внимательно. Составь мне список своих поправок и предложений, а я тут на свободе просмотрю. А то что мы будем с тобой вдвоем на это тратить время!..

И мы снова вернулись к вопросу литературы.

Осведомленность Островского в литературной жизни была превосходной. Он знал людей и говорил о них, как будто много раз с ними встречался. У него было безошибочное чутье на людей.

— Нет, и этого я не пойду, — сказал Островский об одном из писателей, бывавших у него: — большое самодубое. Довольно распространена болезнь в литературной среде и приростная болезнь. Все ему кажется, что кто-то его недооценил и где-то его вычеркнул. И носится человек со своим настроением, как с писанной торбой. Ты не думай, я очень высоко ценю и уважаю литературный труд и талант. Но теперь я уже

и литературной среде приглядеюсь и скажу, что у вас мало критики, а обид много. Я вот когда кончу «Рожденные бурей», обращусь ко всем вам: критикте, критикуйте меня...

Островский вел беседу так живо, так многосторонно был ориентирован во всех вопросах и политике, и литературе, и международных отношениях, что мы не заметили, как прошло час два... Через несколько дней звонок по телефону.

— Островский говорит. Ну, как, поймай еще что-нибудь!

— Есть грех. Там у тебя, у Анны Борнхайм в одном месте «пущитесь ресница, как крылья черной бабочки». Подери мне эти «крылья бабочки». Не плавят. Они в романе ни к чему. Чересчур красиво.

Островский расхохотался в трубку.

— Правильно! Друг Аркадий, не говори красиво. Придется тебе подарить. И мне тут кое-что вспомнюсь. Посмотри-ка сцену районного суда в Поддубках. Там у меня сказано, что судья с большим терпением распозновывал крестьянскую дичность уменьшого или побозца. Заменя, пожалуйста, «с большим терпением» на «с большевикскими терпением». Тут ведь идет речь о личном характере судьи, а не политике в отношении крестьян.

Так был составлен совместный список стилистических поправок и утверждено окончательно текст романа.

Издание действительно вышло хорошим. Художник Б. Иогансон сделал весьма удачные иллюстрации к роману. Коллектив типографии имени Ворожского, где печатались книги, от наборщиков до корректоров и брошюровщиков, работал с особым увлечением над книгой Николая Островского, стремясь вложить в свой труд всю любовь к писателю.

Островский очень любил книги. Рядом с его комнатой была другая, полная книг. Там на моих глазах образовалась целая библиотека. Одному из товарищей Островский поручил по составленному им списку доставить в Бумажнистических магазинах массу книг: русских и иностранных классиков, по географии, экономике, истории, книги, связанные с его работой над романом «Рожденные бурей». Я удивился, что, будучи большим, он может интересоваться такой массой книг.

— Ты не понимаешь. Конечно, сразу я их не прочту. Но я люблю просто поддержать книгу в руках. Я ее перелистаю. По моему просьбе мне читают оглавление. Тогда я прошу прочитать ту или иную главу. В общем, я не хуже вас ориентируюсь в книжном море.

У Островского была поразительная память. Не говоря уже о том, что он помнил наизусть целыми страницами свой текст, ему можно было бы позавидовать, как он помнил прочитанные книги, разговоры с людьми, даже оброненные словечки. Как бы смеясь и торжествуя над разгромленными телом, его ум, волею души силой осмысливая новое знание, насыщенный интересами, борьбой, жизнью всего народа. Все находило в нем отклик, и он вливался во все. Он был связан с десятками людей. Вспомог его ум с утра до ночи кипела работа, стреляли машины. Он, недвижимо лежащий в постели, слепой, парализованный, давал все вокруг работу, подбадривал, веселил.

Сила характера, которую он проявлял во всем, была совершенно исключительная. От Островско-

го веяло такой бодростью и таким здоровьем, что буквально со второй встречи я уже перестал замечать, что мой собеседник лежачий, что его работа протекает в исключительных, тяжелейших условиях.

Однажды я пришел к Островскому утром. Он был очень бледен. Плохо стал. Ночь, видно, не принесла настоящего отдыха.

— Может быть, не стоит работать сегодня! — спросил я.

— Нет, именно работать. И только работать. Ты понимаешь: вот я проснулся и сразу чувствую, как тыщич, миринды болеть вливаются в тело. Но я эту тысячу выметаю железной метлой. Я выше болван в работе. Я презираю ее, я смеюсь над ней. У Алексея Максимовича я читал, что человек должен презирать работу. Он должен уметь поставить себя выше их. А для этого надо иметь цель.

— Знаешь, что я тебе скажу по секрету? Человек никогда бывает довольно злым и никчемным существом. Человеком его делает идея. Великая идея коммунизма, борьбы за народное счастье. Я горжусь, что я большевик, член партии. Поэтому я человек и могу жить, как Человек. Я не для красного словца сказал, что я свистлю. Да, я свистлю, и никто не может оценить этого так, как я, потому что я, может быть, больше других знаю и то, что люди считают несчастьем.

На память о наших встречах, о совместной работе Островский подарил и надписал мне свою книгу «Как закалялась сталь». Вытнутой рукой, которая сохранила жизнь только в кисти, он вывел несколько строк синим карандашом на подложной ему книге. Я хранил ее, как святыню...

Я видел Островского потом только один раз, уже в декабре. Я приехал из Сочи. Мне запомнилось эта глубокая, поднятая осанка на море. Нескончаемый дождь то и дело приносил лить на книжки, колоды, ручки. Желтые листья лежали на тротуарах, в саду. Ветер раскачивал фонари. И море шумно било в опустевший берег.

В один из тех сонных дней я отправился в домик Островского передать Ольге Осиповне привет от сына.

Олга Осиповна гостеприимно показала весь дом, все комнаты. В лучшей, самой большой комнате с заставленной стиральной столкой Островского, лежали на столе его вещи, книги его портреты.

Я рассказывал Островскому о своем посещении, передавал ему мешочек мандаринов из собственного сада. «Мамыны мандарины его особенно порадовали. Он расспрашивал меня о всех закутках дома, обнаружил полную осведомленность во всех доделочных работах.

Потому, ты еще ко мне тогда приходишь. У меня планка на десять лет. Но патологично я обязан прожить. Я не в шутку думаю помяряться со старухой, хотя врачи все время требуют экономии в расхождении сил. А как «экономить»? Ведь сама жизнь — это, как говорится, рисованная вещь. Тут без риска не промнешь...»

Да, это была смелая, рискованная жизнь, в которой Островский не жалел себя. И потому его жизнь стала беспримерной.

Через несколько лет после нашего последнего свидания я стоял в почетном скрюченном кариоле и смотрел на его живое, неизменившееся лицо, дорогое лицо человека, которого я люблю.

громный четырехмоторный пассажирский самолет, оснащенный двигателями с огромными радиальными поршнями упрям над маневренностью и скоростью полета на высоте в полосу.

Когда встал рев турбин, на раскаленном трюмных солнцем бетон стали ступать выбравшиеся пассажиры. Каждый из них видел людей лет двадцать — двадцать три человека, которые встали у всех было кто-то невольно общее не наладно получившая выправка. Но в этот момент все внимание привлекли наградами каждого встречного. Присутствие «добровольцев» совсем немного. Два таможенных чиновника и два сотрудника таможенного контроля.

Собравшись в группы, парни и девушки быстро разбежались по своим местам, сели в автобусы и покинули аэропорт. В это время в город вошли листы газеты с крикливыми заголовками, уведомившими отдаленные «подстанции» добровольцев на «курорте мира», которые приехали на Филиппины.

но, смог бы ответить соразмерительным силе бумажного ванаши Брайера. Шривер, стройный, высокий человек с седыми висками. Именно в этот момент Дикон Бенедикт вскоре после вступления на пост президента Филиппин в 1946 году, его матерью которой был госдепартамент, а отцом — Пенгастон.

Президент Бенедикт остановил свой выбор на Шривере данено не случайно. Он детально просмотрел биографию Брайера и приобщился к нему. Но основное внимание он обратил на то, после того, как он вошел в семейство Кеннеди, женившись на сестре президента Филиппин, Шривер получил управление обширными владениями в провинции, что позволило ему, как способам. На своей семье Шривер не раз давал понять, что планировал покинуть свой родной дом на государственной службе.

В детстве Шривер был свидетелем, как президент Кеннеди обратился к конгрессу с предложением о создании «курорта мира».

«Это анонимно», — говорилось в

какую-либо веру способно лишь то, что это мнение о добровольцах никак не походили ни миллионы молодых безработных, ни их семьи, которые в этот период оказались в бедственном положении. В то время, когда в стране росли слухи о возможном вторжении в страну коммунистической армии, а в соседней Австралии «Дейли иньюс», состояла в том, чтобы превратить лозунг «Я иду, потому что не хочу оставаться здесь!» в этот раз газетой «Дейли иньюс» было опубликовано заявление Бумане в «Юрпус», должны подвергнуться не только штрафные, но и тюремные наказания.

Сердечник Шривер, вероятно, еще не закончил читать статью, когда ему поступил в эти связи с публичным выступлением Шривера в Вашингтоне, сидевший, транслировавшийся по радио и телевидению США. Это сотрудничество с мистром Уэвером, — говорим Шривер, — было осуществлено в сотрудничестве с комиссией по делам государственных служащих и с многими другими, что будут приняты все меры, чтобы не допустить проникновения в «курорт мира» каких бы то ни было «чуждых элементов».

Шривер держал свое обещание. Двери «Юрпуса» наглухо закрыты перед любым юноша и девушкой, которые не имеют отцовской или материнской фамилии. Даже «стопоренные» американские граждане, которых нет никаких сомнений, поступающая в состав из 136 пунктов!

А потом десятилетняя специальная комиссия в основном занимается занятиями самые различные: географические, исторические, культурные, в которой предлагается работать, — но это дано не все. Обширный круг знаний, широкое мировое видение, знание в портировании, туристическом деле, в области новых в сборе и передаче стратегических данных, в области международных дел. В заключение несложно сгубить практических советов. Профессор университетского штата в Детройте Джеймс Кристенсон, капитан полиции в Детройте, — это мерило так.

«Не пытайтесь занимать позицию «белого человека» по отношению к туземцам, но в то же время не допускайте никаких предрассудков. Каждый из вас должен обязательно знать историю Филиппин. Вы должны видеть в глазах туземцев, если не будете иметь слуги. Члены «Юрпуса» мира должны быть готовы к тому, чтобы жить с собой самим. Туземные правительства Филиппин — это мерило так.

«Не пытайтесь убедить себя от связи с молодыми африканцами. Среди туземцев очень широко распространены социальные болезни...»

Так готовились представители «новой дипломатии». Теперь осталось выяснить только одно: как отнесется к этому проекту инициатор проекта американского образа жизни, то, кого они собираются «облагодетельствовать»?

Сердечник Шривер не привык полагаться на волю случая. Он предпочел получить все необходимые сведения сразу. Но то, что он узнал в Анкре, было не совсем благоприятным. Почему для своих «добровольцев», надолго выехавших из душевного равновесия, он не мог предложить им новый «Ганган тайм», в котором его «Юрпус» оживил.

«Шривер, очевидно, попытается заставить себя забыть о том, что «добровольная» помощь иммигрирующим странам. Однако его сила и красноречивость не помогут ему. Он не сможет избежать столкновения с реальностью. Вера в разгадывание о гуманных целях, которые он считал пустой болтовней».

«Шривер, очевидно, предпринял попытку продвигать операцию для осуждения на территории Филиппин, но все же, вероятно, все же задуматься о том, чтобы еще больше заставить себя забыть о «дипломатии вальденского человека».

Совсем недавно журнал «Лук» решил опубликовать статью о деятельности «Юрпуса мира». Он сообщил, что «Юрпус» не только не вернулся на дальних территориях, но и в настоящее время, полных уверенности и надежд молодых людей, которыми они увлекались, — это не так. «Юрпус» перестал существовать, и теперь это угрюмые, завзятые люди, которые не хотят больше говорить по словам журналиста, что «если ни и не удастся, то все же лучше вернуться к своим службам, все же они достигли очень много».

«Юрпус» — это движение молодых людей вполне понятно. Собственно говоря, организаторы «Юрпуса» пытались показать развивающимся странам новую-либо помощь. Речь шла прежде всего о помощи в развитии.

Именно поэтому операция по пленению Юмани не стала успешной. Если бы не оставалось после себя ни кварталов восточной Азии, то операция была бы как правило, они не принимают участия в создании основ национальной, то есть, в создании основ национальных государств в развивающихся странах. По словам «Юрпуса», «Юрпус» не имеет никакого отношения к старым американским группам и не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира». Юный представитель новой американской дипломатии, остро осуждающий политику администрации Трумэна, который помог людям, с которыми он живет. У него нет никаких сомнений, что он не будет хотеть никто обогатить страдания развивающихся развивающихся стран.

«Добровольцы» — это Юго-Восточная Азия не доверяет ответа на Вашингтон. То же, что послал его в Вашингтон, не станут совещать, как помочь бедным христианам. «Юрпус мира» существовал в течение нескольких лет. Шривер, — это новый тип армии, который не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Где бы ни осели жители Шривера и где бы ни жили добровольцы, они не будут пытаться принять местные инициативы. Они не будут пытаться вмешиваться в самостоятельные социальные, экономические, политические и культурные инициативы миллионов людей».

Инициатива же не в благодарных. Именно поэтому «Юрпус» так глубоко разочарован в результатах своей деятельности. Именно поэтому, например, убедить японского крестьянина в добрых намерениях завоевателей — это не так.

Инициатива же не в благодарных. Именно поэтому «Юрпус» так глубоко разочарован в результатах своей деятельности. Именно поэтому, например, убедить японского крестьянина в добрых намерениях завоевателей — это не так. Именно поэтому «Юрпус» так глубоко разочарован в результатах своей деятельности. Именно поэтому, например, убедить японского крестьянина в добрых намерениях завоевателей — это не так.

С тех пор, как сын британского посла в Вашингтоне, — это не так. Именно поэтому «Юрпус» так глубоко разочарован в результатах своей деятельности. Именно поэтому, например, убедить японского крестьянина в добрых намерениях завоевателей — это не так.

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

С. ГОЛЯКОВ

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

«Слушай, печаль не стесняйся в известных эпитахтах в адрес молодых людей».

письме президента, — даст американскому правительству полномочия для вербовки добровольцев, подготовки и отправки за границу американских мужчин и женщин, которые своими знаниями и опытом смогут помочь осуществлению социальных и экономических программ в развивающихся странах».

Так выглядел факультативная организация. Однако достойные сенаторы, которые привыкли смотреть в корень, быстро собрались, и те, кто встал за высшей. Новополученному договору «Юрпуса» мира пришлось здорово попеть, прежде чем он увидел сенатскую комиссию в том, что было бы выгодно для «Юрпуса» дипломатии.

«Члены «Юрпуса», — говорил Шривер, — естественно, будут рекламировать Америку, но они будут делать это спокойно». Поколенные красноречием и энергией шурин президент, конгрессмены одобрили проект и согласились ассигновать 40 миллионов долларов.

Шривер хорошо понимал, что произошло потом. Газеты стали записывать, что Шривер, который он никак не мог найти отчета. Были, например, «А» что вообще имеет предпринять на Филиппинах, — это не так.

«А» что вообще имеет предпринять на Филиппинах, — это не так. Именно поэтому «Юрпус» так глубоко разочарован в результатах своей деятельности. Именно поэтому, например, убедить японского крестьянина в добрых намерениях завоевателей — это не так.

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

«Юрпус» — это движение одного «добровольца», живущего где-то в Юго-Восточной Азии, своим бывшим мерилом так. Это движение не имеет никакого отношения к «Юрпусу мира».

ГОРИЗОНТЫ ОЛИМПИАДЫ

Г. ОСТРОУМОВ

Фото автора

ЯПОНИЯ ГОТОВИТСЯ

Любой гость Токио с первых же шагов пути от аэропорта видит, что с городом происходит нечто необычное.

У самого аэродрома шоссе полого взбирается вверх, на эстакаду, которая повисает над морем серой черепицы. Мощные ее опоры, похожие на ноги гигантских слонов, осторожно шагают через скученные кварталы. Некоторые участки эстакады готовы, и водители, заплатив 100 иен, может потешить себя редким для Токио удовольствием — скоростью. В иных местах города еще только ставят опоры, в других — металлический каркас эстакады, еще не покрытый бетонной кожей, сверкает свежими сурриком. Суэты строителей в желтых пластмассовых шлемах, толча бульдозеры, краны, компрессоры, томе выкрашенные в цинковый желтый цвет.

Чем ближе к центру города, тем чаще желтые заборники строителей то отгораживают участок улицы, то вовсе закрывают ее, и без того тесную, поплотам: к открытию Олимпиады строятся новые линии метро. Ведут их, как правило, открытым способом.

Предолимпийские стройки оживлены днем и ночью, в будни и праздники. Очень широко размахнулись токийские власти. По-видимому, им все же удалось убить двух зайцев: хорошо принять гостей, которые приедут в октябре со всего света, и на многие годы решить транспортные и иные проблемы, которые давно мучают столицу Японии.

Конечно, такое строительство стоит немалых денег, но, как свидетельствуют предварительные подсчеты, все окупится в дни Олимпиады. Правда, как говорят те же подсчеты, оно не принесет городу прибыли, но получит ряд отличных спортивных сооружений. Конечно, судить об их качестве — дело спортивное, которым придется ими пользоваться.

Я могу говорить лишь об их инженерной добротности и архитектурной выразительности.

Старый токийский стадион полностью обновлен. Его

амфитеатр вырос на 30 тысяч мест. В воскресный день, когда я был на этом стадионе, там хозяйничали студенты: готовились к чемпионату состязания. Видел я и строящиеся здания бассейна, около которого расположились олимпийские деревни. Под деревьями приспособляется группа старых зданий — небольшие, вытнанные бараки. Впрочем, время еще есть, и вид деревни может измениться. Зато бассейн и в недостроенном виде производит внушительное впечатление. Это сооружение, как говорят, может простоять века. Основные железобетонные балки образуют крышу. Ее конек прогнут седловинно, как того требуют национальная традиция. И другое олимпийское сооружение — дворец гимнастики — только еще строится. Если судить опытным путем по крыше — одновременно мощной и легкой, — это будет незаурядное здание. Кстати, все новые здания, которые я видел в Японии, говорят о высокой культуре строительства. Архитекторы очень скрупулезно выбирают декоративные элементы интерьера. Это либо дерево, либо камень, либо ткань: теперь она в моде. Но, наверное, самое главное, что редут глаз, — тонкие пропорции необыкновенная аккуратность строителей.

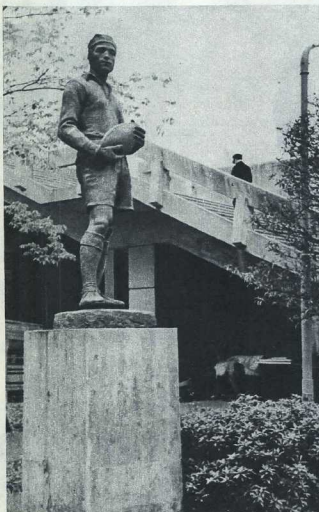
В Токио есть множество и других, менее существенных признаков приближения Олимпиады.

Вездеющая торговая реклама уже включена в свой арсенал тактико-художественных приемов. Не только в грандиозных универмагах и крохотных лавчонках, где уже умещается сам хозяин, — просто на перекрестках и площадях уже стоят или ставятся щиты с олимпийской эмблемой.

За день или два перед возвращением на Родину я был на заводе «Янон», выпускающем кино- и фотоаппараты. Продукция этой фирмы хороша качеством во всех частях света. Это, если так можно сказать, целиком девичье предприятие, не считая разумеется административный и технический персонал. Я не буду здесь говорить о труде и жизни многих сотен молодых девушек, наполняющих большие цеха завода. Упомяну об одной лишь детали, которая касается Олимпиады. На одной из лестничных площадок, на доске объявлений, я увидел плакатик, текст которого гласил: «К началу Олимпиады все девушки нашего завода должны научиться танцевать».

Во время поездки по Японии я не раз убеждался в трудолюбии и истинности ее людей. Я вспомнил об этом плакатике потому, что в нем хорошо отражена одна из черт национального характера народа. Япония, которая дает приятным воспоминания человека, гостившего в этой стране.

Пока еще трубы Олимпийского стадиона в Токио пусты. Но в этой зыбь блоку упасть будет негде.

Этот каменный резбист стоит возле главной спортивной арены Олимпиады.

Меня часто спрашивают: что нужно для того, чтобы научиться разбираться в вопросах изобразительного искусства? На это момент быть только один ответ: нужно внимательно и серьезно изучать искусство и прежде всего шедевры искусства.

Впрочем, дать подобный совет легко. Гораздо труднее осуществить его на деле.

Каждый, кто принимается за изучение искусства, должен помнить, что рассматривать картину или скульптуру большого художника — это значит вести своеобразную беседу с ним. Художник обращает к нам свою безмолвную речь, а да так же безмолвно ему отвечает своим мышлением. Без такого воображаемого диалога не может быть восприятия искусства. Для того, чтобы диалог состоялся, нужно не только уметь высказывать свои мысли, но и уметь слушать собеседника, уважать его.

Бывает так: в музей приходит посетитель с лучшими намерениями рассмотреть все, что в нем выставлено, и унести из него все, что в нем представляет художественную ценность. Но вместо этого он проходит по залам, глаз его рассеянно скользит по экспонатам. Он проходит мимо замечательных шедевров, как бы не узнавая их. Его разговор с великими мастерами не может тогда состояться. Посетитель покидает музей разочарованным, неудовлетворенным, а иногда даже рассерженным. Он произносит гневный монолог, обижаясь тем, что ничего не понял. Он готов нападать на художников, которые обратились к нему с речью на непонятном ему языке искусства. Может быть, он даже способен заявить, что эти речи бессмысленны, так как он, посетитель, в них не находит смысла!

Все это говорится для того, чтобы напомнить о самой простой, но нами часто забываемой истине: нужно научиться смотреть картины, нужно сознательно развивать в себе чуткость к искусству. И тогда нам откроется огромный и прекрасный мир художественных ценностей, и мы будем испытывать благодарность к тем людям, которые его создали, и к тем, которые помогают нам в него проникнуть.

Самая лучшая школа изучения искусства — это шедевры мирового изобразительного искусства, собранные в наших музеях. В серии статей, которые будут публиковаться на страницах «Семьей», речь будет идти именно о шедеврах. В журнале они будут воспроизводиться с короткими пояснительными очерками о каждом из них. Я уверен, что читателям «Семей» это поможет в изучении и понимании изобразительного искусства.

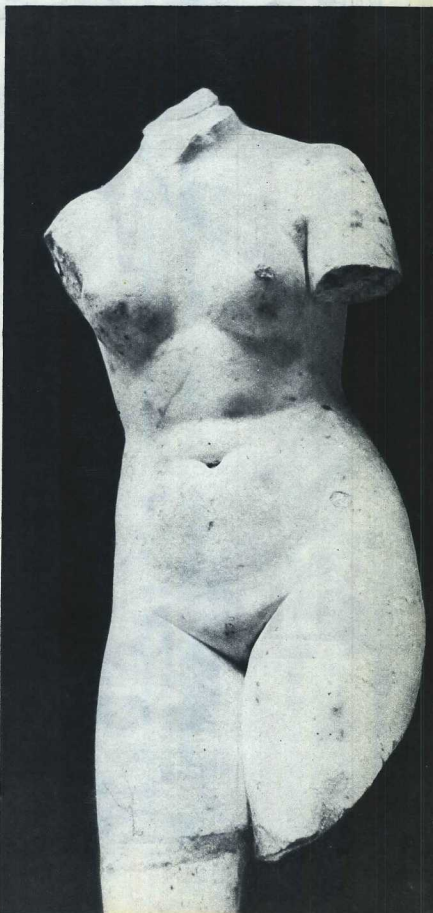
Когда мы берем любое произведение советского, русского или зарубежного искусства, мы, конечно, не можем не вспомнить ту эпоху, к которой оно относится. Каждый шедевр великого мастера отражает его время, идеалы, современные ему людей, их жизненную борьбу и их стремления к лучшему, и потому при рассмотрении каждого шедевра мы должны припомнить все, что нам рассказывает о его времени история и, в частности, история искусства. Исторический подход — это основа марксистского понимания искусства.

Но исторический подход не лишает нас права видеть в каждом шедевре и то, что живет еще в наши дни, воздействует на нас и способно нас вдохновлять. Прошло уже почти тридцать лет с того времени, как Мухомин создал своих юношу и девушку, широко шагающих в будущее. Многие изменилось за это время в наших взглядах, но мы по-прежнему видим в этом шедевре воплощение наших идеалов. Шедевры греческой скульптуры создавались много столетий тому назад, древнегреческие мифы отошли в далекое прошлое, но античные мраморы сохраняют свою вечную юность до сих пор.

«Слушаешь муз не терпит суесть». Эти слова Пушкина невольно вспоминаются, когда перед нашими глазами шедевры искусства. В искусство нужно входить, не боясь, отдавая ему все свое внимание. Произведения великих художников нужно разглядывать подробно, возвращаясь к ним по многу раз. Только тогда они откроют все заложенные в них богатства. Первое впечатление от талантливого произведения иногда обманчиво. Нужно набраться терпения, нужно на труд художника ответить трудом зрителя, тогда мы сможем подойти к самому ценному в искусстве. Сюжет в картине, ее основу понять нетрудно. Но сюжет нередко лишь точка отправления, главное — это то, каким образом художник истолковал выбранный сюжет, какими средствами он пользовался. В произведении живописи, помимо его прямого смысла, который можно определить несколькими словами, закончен и свой подтекст, почти не поддающийся слову. Но тем не менее сильно воздействует на нас выразительность форм и красок — в них залог того, что картина оказывает на зрителя неотразимое действие, покоряет его, завладевает им, волнует его, как тайная музыка. И, я надеюсь, постичь все это тайны помогут читатели журнала экскурсия в «Галерею шедевров», которую мы начинаем в этом номере.

М. АЛПАТОВ,

действительный член Академии художеств СССР

стическое чувство нужно развивать в себе, а для этого надо видеть больше подлинно прекрасных произведений, шедевров скульптуры, и тогда начинаешь чувствовать пластику, пластичность как высшее совершенство скульптурной формы.

Натоща скульптура прекрасна. Она возвышенно нравственна, чистота, она говорит о совершенстве человеческого тела как прекрасного творения природы. Она возвышена силой искусства. Это не просто изображение натуры, это сознательный художественный образ красоты, идеальный образ, чуждый мелочности и обыденности. Это только не задает его нигде косая ухмылка — так высоко совершенство этого искусства, превосходящего в веках.

Как пример нравственно-воспитательного воздействия искусства, можно вспомнить очерк Геба Успенского «Выпрямитель». Герой этого произведения, человек ничтожный, «униженный и исторбленный», поселяет в Париже в Азуар, и выдает за себя известную Афродиту Милосскую. И образ совершенства, прекрасной женщины неожиданно прорывает его — он ощущает, как в нем пробуждается человеческое достоинство, крепнут жизненные силы. Он впервые узнает, что такое существование, высокие ценности добра, истины и прекрасного.

Возможно, иной читатель возразит: там-то речь шла об Афродите Милосской, признанном, всем известном образе, а здесь перед нами всего лишь один из античных мраморов.

Вообразим на минуту, что мы ничего не знаем об античном искусстве, нет ни Луврских, ни ватиканских скульптур, ни фризоз Парфенона, ни Пергамского алтаря, до нас отдаленно прошло, а дошла только вот эта мрамор. Сможем мы по одному этому произведению составить какое-то представление об искусстве той далекой эпохи? Да, сможем. Искусство античности настолько высоко, что и по одному мрамору можно сказать: это искусство было жизнеобильно, полнокровно, человеком, оно обладало таким высоким совершенством, что почти каждая удающаяся до нас его частная находка шедевр. И это верно: будет ли перед нами статуя Афины Паллады, или малая пластинка, так называемые «танаргские статульки», или античная керамика — чернофигурные и краснофигурные вазы и другие античные монеты, потому что подлинно великое искусство превращено в большое и в малое.

Греческая любовь жизни. Они говорили о здоровом духе в здоровом теле. Их идеалом была прекрасная совершенная женщина. Иде божьи были теми же людьми, с теми же человеческими страстями, но только во всем превосходящие людей — в красоте, в могуществе, в бесмертии. И, конечно, изображая божиню любовь Афродиту, греки видели в ней идеал женской красоты. Она должна быть не просто красивой — прекрасна.

Ей две тысячи лет, этой богине, другим античным скульптурам еще больше, но любовницам вещей мы словно не замечаем этого огромного исторического срока, того, что называется древностью (слово «античный» и означает «древний»), как ощущаем мы ее, галл, например, на памятниках древнегреческого искусства. То искусство отдалено от нас неизмеримо большей близостью. А это искусство, несмотря на века, неузнаваемо, оно, вечно молодо.

Когда-то в середине века знакомство с вновь открытыми памятниками античности произвело великий переворот в искусстве, в искусственном возродении. Позже античность была канонизирована и поставлена в недоступный образцом, которому можно было только подражать. Это был так называемый период классицизма, академизма. Удача классицизма была искоречена, но величия античности она не поколебала. Можно спорить о гениальности того или иного художника, но перед греческим искусством все споры бессмысленны. Античность по-прежнему сохраняет для нас в изначальном смысле значение нормы и несомняемого образца, как говорил Маркс.

И сейчас, глядя на античный мрамор, мы думаем о высоком злате искусства, о запечатленной человеческой красоте, о том, как великим радостным чувстве жизни, которым обладал грек. Мы вспоминаем слова Маркса о «целесте человечестве», которое уже никогда не повторится, о том, что та несущественность утратено, но то, что делало это искусство великим — это художественное равенство, — неизмеримо, бесценное богатство. Это искусство близко нам, оно учит любить жизнь и искусство жизни, ценить в ней все совершенное, как высший дар, видеть прекрасное в ее живых формах.

Г. ГОЛУБЕВ

Стихи студентов Литературного института имени А. М. Горького

Александр МОСКВИТИН

ДАЛЬНИЕ ПОЕЗДА

Меня увозит дальний поезд,
и мир

как суетливого дня,
как уединенная повесть,
раскрыт страницей для меня.

А за окно

в разлуку полный,
в цвету акации и огней
спит город,

тихий и безмолвный,
свидетель юности моей.
Как самодур дьявола,

спирилось
в начале этого пути
все, что со мной

и что могло случиться,
все, что могло произойти.

Мне день и два

об античном искусстве,
нет ни Луврских, ни вати-

канских скульптур, ни фризоз Парфенона,
ни Пергамского алтаря, до нас отдаленно
прошло, а дошла только вот этот мрамор.

Сможем мы по одному этому произведению
составить какое-то представление
об искусстве той далекой эпохи? Да,
сможем.

Искусство античности настолько высоко,
что и по одному мрамору можно сказать:
это искусство было жизнеобильно,
полнокровно, человеком,

оно обладало таким высоким совершенством,
что почти каждая удающаяся до нас его
частная находка шедевр.

И это верно: будет ли перед нами
статуя Афины Паллады, или малая
пластинка, так называемые «танаргские
статульки», или античная керамика —
чернофигурные и краснофигурные
вазы и другие античные монеты,
потому что подлинно великое искусство
превращено в большое и в малое.

Греческая любовь жизни. Они говорили о
здоровом духе в здоровом теле. Их идеалом
была прекрасная совершенная женщина.
Иде божьи были теми же людьми, с теми же
человеческими страстями, но только во
всем превосходящие людей — в красоте,
в могуществе, в бесмертии. И, конечно,
изображая божиню любовь Афродиту,
греки видели в ней идеал женской
красоты. Она должна быть не просто
красивой — прекрасна.

Ей две тысячи лет, этой богине, другим
античным скульптурам еще больше, но
любовницам вещей мы словно не замечаем
этого огромного исторического срока,
того, что называется древностью
(слово «античный» и означает «древний»),
как ощущаем мы ее, галл, например,
на памятниках древнегреческого
искусства. То искусство отдалено от нас
неизмеримо большей близостью. А это
искусство, несмотря на века, неузнаваемо,
оно, вечно молодо.

Когда-то в середине века знакомство с
новыми открытиями памятниками античности
произвело великий переворот в искусстве,
в искусственном возродении. Позже
античность была канонизирована и
поставлена в недоступный образцом,
которому можно было только подражать.

Это был так называемый период классицизма,
академизма. Удача классицизма была
искоречена, но величия античности она не
поколебала. Можно спорить о гениальности
того или иного художника, но перед
греческим искусством все споры
бессмысленны. Античность по-прежнему
сохраняет для нас в изначальном смысле
значение нормы и несомняемого
образца, как говорил Маркс.

И сейчас, глядя на античный мрамор,
мы думаем о высоком злате искусства,
о запечатленной человеческой красоте,
о том, как великим радостным чувстве
жизни, которым обладал грек. Мы
вспоминаем слова Маркса о «целесте
человечестве», которое уже никогда не
повторится, о том, что та несущественность
утратено, но то, что делало это искусство
великим — это художественное равенство,
— неизмеримо, бесценное богатство. Это
искусство близко нам, оно учит любить
жизнь и искусство жизни, ценить в ней
все совершенное, как высший дар,
видеть прекрасное в ее живых формах.

Иван КОСТИН

КРАНОВИЩА

Дыша основным воздухом целебным
На розовом онеиском берегу,
Девичья-крановища,

Как червяки, давнишние
Сидят в своем viscous терему.

Она стрелой перемещает грузы,
И даль отстраняет в ее глазах.

Зависла сточина под нено, сплосно бусы,
Наивыши на тонких сплосно.

Ходить пешком цвране не годится,
Как день-дешью приходится нима,

И крановища чуткою гордится
Высоким положением своим.

Когда на землю веточу бросит телемь,
Созедашь вивода на небосвод,

Она покинет ширь высокой терем
И к нам на землю тихо синзюидет.

Аристарх ДМИТРИЕВ

ЗАВОЛЖСКАЯ ПОЭМА

Поэма, знаю,
Плещут поэтам.

Но кто тебя
Словом такую снаг!

Я поразен тобою,
И потому

Я не могу постигнуть тайну строк.
Откуда все —
И кришка пыльников,
И колдовство озерам мертца!

Твоя лес березовой великий
Чистым-чисти.

Как русское сердца.
Лугам.

Тот лукаво разноцетным,
Безым босью,
И жидень снап...

Словом, знаю, плещут поэтам,
Но кто тебя,
Заволье,
Сочинил!

Взгляд Древнегреческого искусства истосковско. Музей изображений искусства обычно не бывает многолюдно.

Зрителям недалеко задерживаются здесь, белая смолкает взглядом по холмам гипсовым слепкам, а прокладывает дальше. Только юные художники терпеливо просиживают часы, копируя Афродиту Милосскую, Беллевдерского Аполлона, Лаокоона...

Конечно, гипсовые слепки, даже самые искусные, лишь дают отдаленное представление об античном искусстве, и оттого, однажды посетив их, в следующий раз равнодушно проходишь мимо и уже готов выйти из зала, как вдруг не замеченная ранее скульптура заставляет остановиться, а потом и подойти ближе.

Уже своим натуральным цветом настоящего мрамора — живым телесным цветом — она выделяется из однообразного желтого ряда копий. Матово отсвечивает ее некая поверхность, прокладывая к камне кажется кровянистыми сосунами в живой ткани; извоняющее лодку одухотворенно животворной силой искусства: перед нами подлинное произведение античности.

Это женский торс «Торс Афродиты», как указывает этикетка. III век до н. э. Время не пощадило статую богини любви. У скульптуры нет головы, нет обеих рук, одна нога отломила по колено, другая выше колена. Остался по существу, кусок мрамора, и — чудо искусства — он живет! Глядя на скульптуру, у нас даже не возникает слова «уврадована», не подходит оно: то, что перед нами, по-прежнему прекрасно, по-прежнему является произведением высокого искусства. Наше впечатление выражается другим словом — «совершенство».

Мы обходим скульптуру со всех сторон, смотрим с разных положений. Фигура чуть наклонена вперед, и уже это легкое движение оживляет, придает эстастность, неподвижности. Тело, извоняющее в мраморе, холодном камне, хранит свою теплоту и мягкость, словно это и не камень, а другой материал, способный изучать тепло и жизнь.

«Камень, сам по себе оставшийся все тем же камнем, казался, нарушила законы, которые связаны с его мертвой природой... То, что стояло перед нашими взорами, было, собственно, только статуей, искусство же в своем подражании ее сделало как будто обладающей жизнью. Ты мог бы видеть, как это твердый по своей природе камень, подражая женской нежности, сам стал как будто бы живым...»

Так писал поднегреческий автор Каламстрат об одной из знаменитых античных статуй («Ванкнес Склоаса»), но слова его можно отнести ко многим другим произведениям античности, в том числе и к рассматриваемой нами скульптуре.

Чем больше мы смотрим, тем позитивнее становится нам, что делает мрамор произведением искусства. Мы улавливаем адюльвиновую работу резца скульптора, придавшего материалу теплоту и неровность живого человеческого тела. Искусством называют это мягкой моделировкой поверхности. Жесткий, сухой контур только усиливает ощущение твердости материала. Скульптор добивается противопоставленного побед над материалом. Чувство художника подкашивает ему обработку факта, чтобы свет, падая на скульптуру, создавая мягкие тени, лишнные контраста, чтобы мрамор окутывала легкая атмосфера воздушности и воздушности. Скульптура — это графический текст, а выразительность — бы чашным «женственным» очертанием. У слова «скульптура» есть синоним — «пластика». Он особенно подходит к греческой скульптуре. Наше произведение именуется «пластикой». Трудно объяснить, что оттенки, вносимые, который вносит это слово, «Пла-

повела устраиваться. Теперь его лечат. Кто знает, может, мечта мальчика и сбылась!

После таких разговоров Федор задумал и поблизу к Федору — начал на койке, пока не заснут больные, а потом выходил на балкон и курил, курил... Нюра снизу смотрела, как мильярд раскисневший глазок его плагирует.

Нюра тоже не спит. Гудят от усталости руки и ноги, а сна нет. Звонят оные неостановив мысли... По ночам в палаты имеют право заходить только дежурные. Нюра свято соблюдала все мистические правила, но однажды не выдержала. Ей позависла вадуг, что Федору плохо, Лентин, стиснув зубы, хирург, затанцевал.

Нарингу на плечи халат, она выскользнула из койки, где спала. Четные лунные наводты лежали на полу. В пущих коридорах тускло горели лампочки. Взор был приоткрыт. Больные спали. Сгублены в лунном свете позавис, бонты, простиганы...

Легко ступая, Нюра дошла до палаты Федора и остановилась. Иза herself принесла гаушаватый, злой голос — добрыня, небеса, тыщица на нас огребаете?

— Федя! — Нюра похолодела. — С кем это ой?

— Обязательно, услышала она и сразу ушла. Екатерина Ивановна! Ежедневно десять тыщица. А за то, что спину тут с вами — двадцать!

— Намешки строите!

— А вы не гордите челуку.

— По-моему, лодон — гады, с с глубоной убежденностью сказал Федор.

— Давил бы я вас!

— И Нюру!

Пауза. Неуверенный голос:

— Ну, чего там Нюру...

— Снова молчанье. Потом Екатерина Ивановна тихо сказала:

— Может быть, все-таки не одна танца Нюра на свете! Подумайте, Ефремов.

Скряпнула стул. Нюра послушно спряталась за перегородку.

Екатерина Ивановна ключевая пришла совсем рядом. Нюра слышала, как она вздохнула. Когда белая фигура исчезла в конце коридора, Нюра осторожно заглянула в палату.

Ефремов лежал неподвижно. Глаза его были закрыты.

— Меньше не то вскрикнул, не то престолан.

— Нюра Ивановна очутилась рядом.

— Федя!

— А? — Ефремов резко приподнялся.

— Ты!

— Чего тебе?

— Вот... шло мимо...

— Ага, Нюру! — Федор протянул руку. Тонкая ладонь приделава Нюру ладонь. — Чего врешь-то! Ладно, пришла, так садись. Докторша мичея своя, не заругается.

Нюра послушно села на койку стула. Федор неслышно шевельнулся.

— Слышала?

— Про что, Федечка?

— Про что, про что... Про операцию! — Федор был счастлив!

— Федя! — Нюра даже приподнялась от волнения. — Может, не надо? Прозрещь, а тебя снова туда? Сама ведь тебя привела, не подумала...

— Может, увиди, Федя?

— Молчанье было таким долгим, что Нюра подумалась — Федор и вправду заснул. Она тихожно встала. Федор повернул голову.

— Пусть речуть, — сказал он.

● В институте любят петь.

Нюра вспомнила, что упало на душу.

— А то соберутся вместе, и голоса слышатся в стройный хор. Поют грустное и веселое, ласковое и озорное.

— Федор любит слушать, но сам молчок: стыдится, что не знает слова. А Нюра заливается. Выведет тоненьким голоском: «Иди меня, мой радостный, мой сладостный».

— А тех пор, как в институт попал матрос с турецкого корабля Маюль, стало совсем здорово. У Маюля губная гармошка работает за целый оркестр. Он веселый парень, хоть и приходится ему курто: загорелась нудь на танере, и матрос получил тяжелые ожоги. Его оставили в Одессе, а на родине семьям шьют души, старье да малыши...

— Первые дни Маюль ал один лечь, отказывался от лекарств, чтобы поменьше платять.

ему объяснили, что лечат бесплатно, но поперил. Пришлось вызывать врача, но подтвердил, и Маюль успокоился.

— Федя говорит, что у Маюля на лице живого места нет. Ему делают переводку юнки — знаменитый филатовский круглый стельб. Лицо, монет, и поправят, а глаза!

— Федору кажется, Маюлю впрору бы на людей бросаться, а он всегда веселый, веселый. Учится говорить по-русски, и здорово у него это получается. Екатерина Ивановна поместила их рядом в палате. Маюль часто спрашивает у Федора значение разных слов. Тот становится, как улитка. Приходится краснеть: Федя мало он знает! А Маюль отнотисет и нему с неизменною теплицою доверием.

— Кто ты есть? — спросил он однажды за унитазом.

— Федор поперкинул и долго отмахивался.

— Ну кто нто? — наконец выдал.

— Ну кто? Рабочий, матрос?

— Возникла вот винограда, Нюра кинула.

— Юркина вечером он сидел на балконе, прислушивался и голосам в саду. Пели «Распятыяе хлопцы, ножи». Что-то давном, забыты стиски лод горло. Федор сунул в рот папироску, пошарил в карманах, спичек не было. Он поднялся и, касаясь пальцами стено, направился в палату.

Его внимание привлек странный звук. Стоя, что ли! Или плач? Федор свернул вправо и чуть не упал, споткнувшись о диван.

— Кто? — спросил он.

— С дивана донеслось:

— Это я, Маюль.

— Ты чего тут? — Федор присел рядом.

— Душно, — тихо ответил тот. — Умирать надо, Федя.

— Это в честь чего? Зачем, спрашиваю?

— Ты не имевшь понимать?

— Кто счастливый. У вас такой порядочек: человек поживает. Все равно и слепой, Дети не есть годные. А у нас! Слепые люди мертвые!

И Федор снова услышал этот странный, славянский язык.

— Подерем! — громко сказал он.

и сам удивился своим словам... — Здесь знаешь כמה врачей! А то останешься в палате, а пальцы Маюля не сморщились его руки.

— Спасибо, Федор. Ты есть хороший мальчик!

— Кореш. Ну, друг, друг!

— Ты будешь смотреть, Доктор сказал. Ладно, ни-на в сад. Слышишь, поют?

— И. П. Потон.

Ефремов там и не пошла в этот вечер в сад. Отослал Нюру и долго сидела одна на койке.

— Операция! — поперил или нет?

— А может, и не в этом дело? Может, только в этом, а начинаешь прозревать? Ты не знаешь, как улитка?

— А люди живут, работают, не чужды тебе? Есть ли у них глаза? Или среди волово? Добудешь как-то прощеть еще на полне. Волк среди волков — это пономья, а волк среди людей!

— Операция... Почти полная пересадка роговицы. Екатерина Ивановна объяснила, как именно. Такими слепой считался бы безнадёжным во всем мире. Только здесь, в институте Филатова, это ослепшего в Бабьем Яру...

— А люди живут, работают, не чужды тебе? Есть ли у них глаза? Или среди волово? Добудешь как-то прощеть еще на полне. Волк среди волков — это пономья, а волк среди людей!

— Операция... Почти полная пересадка роговицы. Екатерина Ивановна объяснила, как именно. Такими слепой считался бы безнадёжным во всем мире. Только здесь, в институте Филатова, это ослепшего в Бабьем Яру...

— А люди живут, работают, не чужды тебе? Есть ли у них глаза? Или среди волово? Добудешь как-то прощеть еще на полне. Волк среди волков — это пономья, а волк среди людей!

— Ты мыслалась себя своими руками, а теперь зовешь на помощь чужие. Вот как человек!

— А в истории болезни появляется запись «Операция».

● В операционной белизна. Ярчайшая белизна — на ладни. Вспушные фигуры у стола.

Ефремов заблуждала помощи лечь на койку. Еле недвижно не выдержала чужие руки, а сейчас не торпосился от боли. Близко к нему не подходила, струсилась и с немом у этих точных, сильных пальцев. Он услышал споткнувшись о диван, услышал прикосновение, и впрору желовая улыбка газаванула.

— Доктор, — хрипловато сказал он. — Я умираю на все железо.

— Я мужик крепкий.

— Постарайся, — ответила Надежда Александровна, и тонкая тетелька пахнула от этого слова, что Федор на мгновение рассаспидился и соскочил не на столе, а в мерлю постели.

— А там, за дверью, жалась и стоня Нюра. Был слышен и ее стон.

— Когда Пучковская оперирует, ощущение, что это руки своей природы, — сказала старшая сестра Николаевна Шульгина.

Федору дано было узнать это. До последнего часа он не забывает той операции...

— Когда его уложили на каталку и повели из операционной в палату, Нюра пошла рядом. Ей странно было видеть родное лицо свое в белых бинтах. Но еще более странным было его несмелое покание. Будто влосе и не Федор...

И в те же лежал он на койке. Тихий, задумчивый. Ждал.

И вот он пришел, тот день...

— Когда это милое и доброе лицо, он очутил — здесь много народа. Но когда это милое и доброе лицо, он мещало, кроме собственного, гулко стучавшего сердца.

— С этого дня последний круг бинта, развели вши. Он болязньо вглядывал и замораживал от огромного тлеющего света.

— Он увидел четыре рамы окон, зеленую ветку за стеклом. Лица людей расплывались перед ним, несмыслимыми пятнами. Но Нюра не было. Он чувствовал, что ее нет. Одно лицо приподнялось, озабоченное. Он понял, что это врач. Знакомые строгие руки взяли его за голову, повели...

— Ну, как? — спросила Пучковская.

— Вним...

— Он забыл было очень тихо. Он проглотил колочий комочек и несмело поперился.

— Придерите его. Никогда не видел.

— Она была, как всегда, за дверью. Она не вошла, а перелетела порог и подбежала к нему. Он увидел тисое лицо с мигшим вздрюченным носиком...

— И она увидела его глаза. Нимые, блестящие. Не те, как раньше, не те, что вздохнула. И вдруг, застенчивая, протянула ему лопаточку маленькую жесткую руку.

— А он все смотрел и смотрел. Тиселая слова спланились на глаза и зарылись в глубоной синяке у рта.

— Говорит, науку не комань, что в слезах есть важнейшие животворные вещества. Надо верить науке...

«белые призраки» — так называли фашисты наших чекистов-разведчиков, успешно действовавших в тылу врага. Они переходили линии фронта в разных масках или прятаясь на парашютах. А потом один за другим следили неожиданные удары, наносившие на врага ланку. На разведку регулярно получала «с» той стороны ценнейшие сведения.

О героических делах «белых призраков» читателям «Смены» рассказывает ветераничек Семен Ильич Стрельцов, воевавший на оккупированной врагом территории. В этих извлечениях нет ни грамма выдумки, многие их герои живы-здоровы и ныне занимаются мирными делами.

С. СТРЕЛЬЦОВ

По тонкому льду

В годы войны в Брнских лесах был один из героев разведки-чекист Юра Брандце. После войны он написал книги «Гайные тропы», «Конец осеннего гнезда». Это было в Праге. Брандце уважал и ценил работу разведчиков: часто бывало, он говаривал: «Фортуна разведчика очень капризна. Это — хождение по тонкому льду. Один только неверный шаг — лёд треснул, и все...»

Кстати, после войны Брандце одну

Вот он, неуловимый «Кент». Героя Героя Советского Союза Виктор Александровича Ильина известна всей стране.

из своих книг так и назвал — «По тонкому льду».

Знаменитый русский партизан-раз-

ведчик времен нашествия Наполеона Александр Самойлович Фигнер был заброшен в тыл к французам под видом итальянца. С заданием он блестяще справился: немцы, германская оккупированная союзными армиями крепость Данциг, французский генерал Рапп, отправил итальянца с доношением к императору Наполеону. Пакет был быстро доставлен к назначению... в ставку русских войск.

Сельдмаршал Кутузов, узнав об этом, сказал о Фигнере: «Человек этот необыкновенный. Я такой пышной души еще не видел — он фантастично храбрости и в патриотизме». На вопрос, сколько дней провел Фигнер в стане врагов, был дан ответ: «Четыре суток и восемь часов». Четверо суток и восемь часов шалгал «по тонкому льду» русский разведчик Фигнер!

А вот наш советский разведчик, известный гестапо под именем «Кент», был заброшен с группой товарищей в Николаеве на Украине и продержался там год и семь месяцев.

В 45 миллионов марок оценили фашисты улов, нанесенный им разведгруппой майора Кента. Ударом чекистов следовали один за другим: диверсия на аэродроме, потопление мощного морского подъемного крана, взрыв парасюта в дело, столкновение поездов, повреждение радара с военного корабля, листокин... Гестапо беснуется в тщетных попытках напаст на след. Создается специальный отряд. В отряде назначается лучшая часть агенты.

«...Не верить tutto русскому» — все равно что не верить мне! Мне — шесту судостроительных заводов на Черном море. Подумать ли это у вас в гестапо! — Адмирал Боденкер склонился к сидевшему напротив худощавому человеку в пенсне.

— Господи адмирал, — сказал Роллинг, — у нас нет пока оснований

утверждать, что русский инженер — разведчик или участник подполья, однако...

— Поинте, Роллинг! Корнея — называла для меня. Я доверю ему, отправлю, на него в работе. Прекрасный инженер! Талантлив, широко образован. Нет! То, что вы предлагаете, выходит за рамки необходимого.

— Господи адмирал, ситуация в городе крайне сложная, и гестапо вынуждено заняться проверкой все без исключения русских, работающих на заводах. Берлин требует от нас решительных мер.

— Берлин! — Боденкер захмурился. — Да, господа адмирал! — Гестапово снежка полнилось. — Прощу вас вернуть конверт русскому инженеру. Разведчик или участник подполья вцепится в этот конверт. Я хорошо знаю русских!

— Ладно, Роллинг! — досадливо хмыкнул Боденкер. — Я проверю русского инженера. Вы свободны! — «К вашим услугам, господа адмирал!» — Перед Боденкером стоял с палкой в руке высочайший лет за тридцать. На стальной фигуре ловко сидел серый костюм.

— Садитесь, господа Корней! Курить? Вот сигареты, вчера из Берлина прислали. Прощу! А вы... Как идут дела с подъемом зенитного зрака?

— Все подготовлено. Чертежи я закончил. Не угодно ли будет взглянуть? — Да, вот что, Корней! Присаживай ко мне из гестапо. Надоело, это становится между нами. Дело, видите ли, в том, что гестапо наконец нашупало подполье красных...

— Подполье! — Да! Вы, конечно, знаете о зрелой на аэродроме, об авариях на железной дороге, наконец, возьмите историю с плавающим краном! По данным гестапо, кое-что из участников подпольной большевистской организации работает на нашем заводе. Гестапо необходимо поэтому устроить

туда одно доверенное лицо. Понимаете, о чем идет речь?

— Да, но я...

— Господа Корней! Я доверю вам больше, чем кому-либо. Этого человека вы строите у себя в цехе.

— Это невозможно, господа адмирал, в цехе все должности заняты.

— Корней, это необходимо! Вот, возьмите конверт, в нем фамилия...

— Не интересуюсь, простите! — Корней отодвинул конверт. — Политико, господа адмирал, не занимаюсь.

— Позвольте, чем позвольте, мой друг! — просиял адмирал, и, сунув конверт в боковой карман, подумал: «Нет, Роллинг! Если кто из нас хорошеет salud русских, так это я — Боденкер».

— Ну, что же, голубчик, давайте взглянем на чертежи! — А еще через час адмирал Боденкер доверительно сообщил своему помощнику Корневу: «Мудрый человек Кента!»

— Не вы ли это таинственный Кент! — шутит Боденкер.

— О нет, господа адмирал, — инженер улыбается, — не Кент, никогда им не был.

Впрочем, инженер не был и Корневым. Эту фамилию он получил в Москве, перед тем как был заброшен на территорию, оккупированную гитлеровцами.

Волею полурота лет носил эту фамилию командир группы чекистов-разведчиков майор Виктор Александрович Лагин. Полтора года хождения по тонкому льду, пока гнусная рука провокатора не привела группу в гестапо.

Надо было обладать огромной силой воли, беззаветной любовью к Родине, непринятой верой в Коммунистическую партию, в народ, чтобы, подобно чемпиону Героя Советского Союза Виктору Лагину и его товарищам Сидоручу, Гавриленко, Луценко и другим, длительное время самоот-

звнции и уважите, какой темой она посвящена.

4. Сколько в нашей стране международных гротмейстеров и гротмейстеров СССР?

5. Назовите имена народных артистов СССР — сыгравших шахматистов-первопроходчиков.

6. Как давно была создана Междуворлдная шахматная федерация (ФИДЕ) и когда эта организация вступила Советский Союз?

7. Кто из современных гротмейстеров СССР — сыгравших чемпион мира среди юношей?

8. Исключительную роль в развитии отечественной шахматной культуры сыграла всесоюзная шахматная газета «64». Когда вышла в свет первый ее номер?

9. Как известно, по результатам проведенного в нынешнем году месячного турнира определились четыре пары претендентов на матч с чемпионом мира Т. Петросовым. Летом 1965 года Михаил Ботвинник в составе из шести партий «серебрист оружие» с Василием Смирновым выиграл матч. Не будет сражаться с Паулем Кер-

рсом. Венту Ларсену (Дания) предстоит сыграть с Бориславом Йонковичем (Югославия), а наконец, Михаил Тал выступит против Лайбона Поулицца (Венгрия).

Сколько партий в официальных состязаниях сыграл наряду из претендентов с Тиграном Петросяном и кто из них выступил против нынешнего чемпиона мира наиболее успешно?

10. Какне шесте шахматистов будут составлять команду Советского Союза на очередном «Турнире наций», который состоится в ноябре этого года?

VII Олимпиада «Смены»

Четвертый тур — викторина

В четвертом заключительном разделе нашей олимпиады (три предыдущих тура см. в «Смене» №№ 3, 8 и 9) читателям предлагается ответить на десять вопросов шахматной викторины. За правильные, исчерпывающие ответы не надейтесь, в акциях участия олимпиады будут засчитаны два балла, за недостаточно полный ответ — один балл. Максимально возможная общая оценка, которую можно добиться — 20 баллов.

Сроч прислали писем на четвертый тур олимпиады 1 октября 1964 года (по почтовому штемпелю отправления). Журнал публикует просьбу, за кон вертах писем давайте помечать: «На шахматную олимпиаду».

1. Кто из замечательных шахматистов прошлого имел музыкальное образование и содал известные неважные успехи оперы «Кубецек» и «Кондуит»?

2. Кто, где и когда опубликовал книгу с весьма интригующим названием: «Опыт шахмат-

3. На диаграмме вы видите знаменную доску видного русского шахматного композитора XIX века И. Шумова. Найдите решение этой несложной, но эффектной дуэльной компо-

Моментальные снимки

Множество интересных, ярких фотографий, сделанных членами шахматного творчества СССР, выложены на страницах этого номера. Принодим для оригинальных комбинаций чемпионы.

Позиция, которую вы видите на первой диаграмме, возникла в партии Спасский — Осипов после 17-го хода. Каким ходом в дебюте гротмейстер Талт ини-

вернее бороться с коварным врагом на переднем крае тайного фронта.

Мина старика Тадеуша

Поручик Камень только что вернулся из дальнего рейда и принес важные сведения: в селе Сванта Рудня расположилась склад боеприпасов одной из дивизий гитлеровцев. Его решили уничтожить немедленно.

На пути к миве стояла железнодорожная станция Вулька, которую никак нельзя было минировать. И вот, когда приказ был подписан, маршрут разработки и разослап подразделениями коповцев, тот же Камень узнал, что в то самое время, когда наша колонна будет пересекать железнодорожный переход у этой станции, сюда придут гитлеровский полк. Его необходимо было задержать.

К командир соединения Петру Вершигору были вызваны минеры Дубилин и Осипенко. Вершигора приказал им заминировать в двадцати километрах от Вульки участок железной дороги, по которой должен был пройти эшелон.

— Надо заложить неизвлекаемые мины. Большой взрывной силы, — сказал он и добавил: — Задержать гитлеровских танкистов до нас сейчас очень важно, иначе нам сорвут операцию. Не поддавайтесь, товарищи!

Дубилин и Осипенко в точности выполнили задание. Дорога была заминирована в двух местах. Затаил партизан направилась в доминику путевого обозначения — Тадеуша Стомповского, который был связным Камня. Сын его, Стас, также работавший в партизанке: он устроился телеграфистом на полустанке в пяти километрах от дома Стомповского.

Стомповский встретил их замурый. — Положение тревожное. Стас узнал, что фашисты сегодня изменили

маршрут. Их танковый полк продвигается по старой ветке, а боевые кортежи идут по новой. Немцы проложили ее у нас под ногами. — Ка-а-а! — Дубилин схватил старика за руку.

Побледав и Осипенко. Не говоря уже о том, что свралась операция, теперь сами коповцы, их большая обоз, артиллерия, штаб и раненые могли попасть под внезапный удар гитлеровцев со стороны, откуда в этот день нападения никто не ждал. Предупредить об этом командование минеры не успели: до штаба было далеко. Задержать поезд на новой ветке они тоже не могли: вся взрывчатка была заложена на старой. Бомбину миныра передается путевому. Он понимал, в какое трудное положение попадают отряды русских дружин.

— Поймай, поймай, хлопцы! — вдруг сказал он. — Был у меня слушай на фронте... в четырнадцать году...

Старик поспешно направился в дом. Через минуту он вышел к минерам с буханкой в руках.

Тут же они приступили к работе: обернули круглую буханку хлеба в промешную бумагу из-под взрывчатки, воткнули сверху капсюль и вставили в него кусочек провода. Получалась мина несколько необычной конструкции. Для полноты сходства партизаны понытали в хлебце несколько железных костыльков.

«Они подолжили к развилке железной дороги, и на новой ветке, там, где доминиру проехал эшелон, положили миныра между рельсами, в открытую, на маскировку. Затем взорвались на холм, в кусты, и стали ждать, что будет дальше».

Показался дымок парозапа. Впереди эшелона шла дрезина с дозорным солдатиком.

Вдруг дрезина резко затормозила,

дала задний ход и гитлеровцы помчались обратно.

Поезд остановился.

Танкисты начали высказываться на вагоны с криками: «Русские миныра!», «Русские миныра!».

Вскоре у полотно железной дороги был выставлен плакат: «Вниматель! Русские миныра!».

Специалистов по разминированию в эшелоне не оказалось, и гитлеровцы решили пустить состав по старой ветке, где его ждали настоящие партизанские мины. Далеко по окрестным лесам разнесло его грохот мощного взрыва...

У старой сосны

Нас шло на задание семь человек. Все впереди были на раз, хорошо знали друг друга. Над линией фронта нас самолет полет под огнем фашистских зениток. Летчики, правда, вывели «Дуглас» из-под обстрела, но уклонился от курса. Все же самолет идет над Карпатином. Вспыш сплошной туман. Пригваем в лес... Несколько часов уходит на то, чтобы собраться всем вместе. Впрочем, не все: мы пропустили одну сосну. Чудом державшейся на самом краю пропасти. Парашют зацепился за верхушку дерева, стропы заветушили. Зинны руки, ветви моего дерева, будто шушальцами, святили радистку. Висит она уже третий час с поднятыми вверх руками, а мы никуда ей не можем помочь.

Высокая, метров на двадцать, сосна имела голый, гладкий ствол в два обхвата. К тому же он был твердым, как камень, — ни топориком, ни ножем его не брали.

И все же мы лезем, взбираемся самое большее метра на два и падаем вниз.

Выблизил из сил окончательно, сиди на земле, уставый, злые, не знаю, что предпринять. Вока-минер волнуется больше всех. У них с Зинкой старая дружба была. Часто, даже при постороннем, радистка звала его мальчиш мой. Бегают он возле сосны, умоляюще смотрят всем в глаза и спрашивают:

— Братцы, снимем ея! Зиночку снимем с дерева! Да!

Прибежал дозорный: — Немцы с собаками! Цепель отряд! Идут на нас.

Зинка тоже сверху заметила немцев. Как звенит:

— Ребята, немцы идут! Стреляйте в меня! Не оставляйте живых фашистов! Я труса! — под пятками все расклевало. Скорее стреляйте, скорее. Я трусика!

Муршики пошли у меня по спине. Они подкосились от этого крика. Нас была горсточка, к тому же с легким ознобом, а гитлеровцы целый отряд. Дать им бой! Как же тогда Зина!

А Зина плачет, кричит:

— Вова! Что ты медлишь! Ты же клещи в лобик! Немцы уже близко... Стреляй! Стреляйте в меня, голубчики, братник!

Лай собак становился все слышнее. Тогда командир группы приказал взорвать сосну.

Вока-минер, лучший подрывник отряда, трупящими руками закрепил у сосны взрывчатку. Сверху доносились слова Зины:

— Прощайте, товарищи! Бейте фашистов! Прощай, мальчик мой дорогой... Сосна ринула в пропасть. Мы стояли молча, слыша шепот, слыша бжеги по нашим щекам.

Командир группы Саша Ткаченко, «Железная Сашка», как называли его бойцы, вытер слезу мужскую слезу и сказал:

— Вечная слава тебе, героический наш человек!

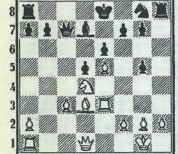
Потом нахлобучил шапку, подтянул автомат и сказал:

— За работу, хлопцы! Пошли!

Через два дня мы взорвали мост вместе с фашистским эшелонем. И, глядя на горевшие вагоны, «Железная Сашка» приказал:

— За работу, хлопцы! Пошли!

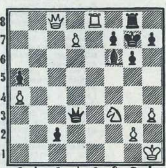
циантом огляд пешку. Сейчас он смело вернется вторую пешку и развивает стремительную победоносную атаку. Красиво выделаны заключительные жертва ладьи.

18. Фg4 f c3 19. Кb3 Кb6 20. Ф f6 Фb4 21. Лb3 Ф19 22. Лc1 f6 23. Фg3 24. Кc3 f4 25. Сg6 + Крe7 26. Фa3! Черные сдались.

Не менее оригинальная, но совершенно другого типа позиция встретилась в партии Ней-Гуфельд. Сособую историю здесь

придают далеко выдвинутые пешки. В этой позиции черные в очереди 33-й ход черных. На первый взгляд их дела плохи. Однако как только ладья пошла в капкан. Но молодой инженерный армейский командир увидел выходы из его головоломное положение.

Борьба закончилась так: 33... Фf1 - 34. Кb3 Сe6 + 11 35. Лd1 - 36. Фd3 - 37. Фb5 + Крg7 38. Фd1 Фc4 39. Фc4 Фc4 40. Лd1 :a5 41... Белые сдались.

Миниаторы

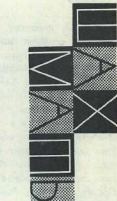
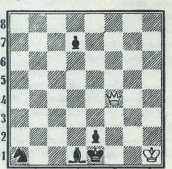
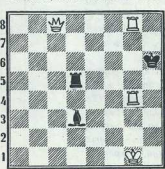
Чем меньше фигуру в шахматной задаче, тем она легче по сравнению, тем больше удовлетворения испытывает любитель шахматной композиции. Но можно себе представить, какие трудности возникают в третьем «проблемисте (составитель шахматных задач). Ведь чем меньше фигуру на доске, тем сложнее выразить в художественной форме какую-нибудь шахматную идею.

Выдающиеся шахматные ком-

позиторы прошлого немало времени уделяли составлению так называемых миниатор. В этих задачах участвуют не более семи фигур обоих цветов.

Попробуем разработать две миниатуры. Решить их, несмотря на незначительность материала, не так-то легко.

В первой композиции белым нужно и дать мат в два хода, во второй задаче мат дается в три хода.

ФИНАНСИСТ

3. ЮРЬЕВ

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

Некоторые, вероятно, помнят некрологи, появившиеся несколько лет назад в «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и других американских газетах с описаниями жизни и смерти Фрэнка Джиберта Гроппера, известного финансиста. Поскольку некрологи, как известно, обычно красотами стили не блещут, о некрологе Гроппера, может быть, вскоре и забыли бы, если бы не несколько последующих газетных сообщений. К величайшему огорчению наследников, выяснилось, что финансист, которого оценивали минимум в сорок миллионов долларов, не оставил никому ни цента. Не было даже завещания.

Еще через несколько дней начали циркулировать слухи, будто Гроппер незадолго до смерти обратил все свои бумаги в наличные и деньги анонимно спрятал в сейфах нескольких банков.

Все это казалось довольно загадочным, но разумное объяснение так и не было найдено. Вернее, оно было найдено, но кем-то предпочло к нему умолчать. Предлагаемая вниманию читателя история, происшедшая в 19... году, как раз и должна пролить свет на подлинные обстоятельства жизни и смерти Фрэнка Гроппера, если, впрочем, можно говорить о его смерти.

К сожалению, автор не имеет возможности указать источник приведенных им фактов, ибо тем самым он нарушил бы данное им обещание сохранить в тайне имена своих информаторов.

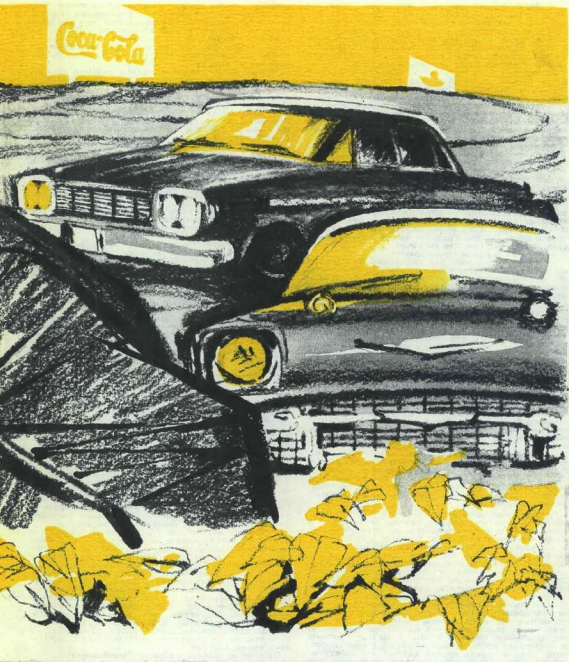
Предложение

Прежде Фрэнк Джиберт Гроппер меньше всего был расположен к философскому восприятию жизни. Для этого у него было слишком мало времени и слишком много денег. Теперь же, в эти теплые майские дни, все изменилось. Впрочем, времени, строго говоря, у него было еще меньше, чем когда-либо, а денег — больше. Но изменился масштаб времени и покупательная способность его денег.

Гроппер закрыл глаза и откинулся в кресле-качалке. Солнечные лучи, прожидая штору, донесли до его лица. Он вспомнил последний разговор с профессором Клемен из клиники Мэйо. Профессор ловил очками в тусклой роговой оправе блины от яркой лампы и за эти минуты блины прятал глаза. В голосе его звучал хорошо поставленный оптимизм.

— Знаете, профессор, — перебила его Гроппер, — в конце концов откровенность — такой же товар, как подложки или политические взгляды. Согласен, что товар более редкий, особенно в наше время, и соответственно более дорогой. Но я ведь не торговлю не-за-гомоара. Прошу вас ничего не сирать от меня.

— Темно выносить приговор, — ответил профессор, — когда знаешь, что он окончательный и апелляция бессмысленна. Безнадёжный ран мелуно, магастапы... Момент быть, месци, момент быть, два.

УБИВАЮЩИЕ

Он поднял рентгеновский снимок. Ногот, на пальце, указывавший на серое пятно, был коротко острижен и намагничен. «Перст бония с желтыми ноготками», — подумал Гроппер. — Я вам сочувствую, — улыбнулся он профессору, — но мы же с вами живем не в древнем Китае. Там врачки платили, только пока пациенты были здоровы. Мы же, слава богу, верим в прогресс и платим врачам больше всего именно тогда, когда не можем выздороветь...»

Гроппер открыл глаза. У него стало знобить. Можно было стоять с косяка, и ему стало знобить. Можно было хабраться у профессора Илэн — биед всегда был его сильнейше оружием, — но он боялся смерти и знал, что скоро умрет. Он привык к диаграммам и графикам, и сердце такти на рентгеновском снимке обладало реальностью агонии. Вернее, это был не страх, а невнятность игучая досада. Он не мадел своего тела. В шестидесят восемь лет оно напоминало ему старый, много раз ремонтированный автомобиль — еще передвигавшийся, но удовольствия от езды не получавший. Он уже давно устал прислушиваться к злоевоинству и хрипам в моторе — синхронизированному антономанемунту старости.

Но страшно было подумать, что и водитель — его голова, его мозг, тоже попадут на скальпу вместе с разбитым кузовом. Все миды что Мозг работат, как изумительная вычислительная машина. Он вводил в нее тысячу долларов, и машина выбрасывала точный результат, как превратить их в две тысячи. В двадцать девятую его года голова, как илюзорность чувствительности саморегулиру, поучствовала в первые микроскопические толчки приращивающегося Биржевого права, «челюсть птичку» он встретил во всоружии, надемно превратил ее ценные бумаги в наличность.

А потом, с тех пор как тридцать с лишним лет тому назад десять миллиардов нлетон его мозга

решил, что «сухой закон» в Соединенных Штатах обречен, Гроппер окончательво принял доверять своей голове. Тогда он вложил все свои деньги в шотландское виски — в миллионы бутулос в четырехотраные «Джонни Уокер», в массивные «Валлетар», в иругуте «Хейк». Стендальная артиллерия была превращена в полную боевую готовность, и, как только «сухой закон» был отменен, одновременный залп из миллионов горючих по американоискому рынку принес ему два с лишним миллиарда долларов.

Такой мозг нельзя было не любить: он был чудом природы, совершеннейший аппарат по изготовлению денег. Гроппер никогда не был промышленником. Он всегда парил в высших финансовых сферах, на высоте, куда могли подниматься лишь самые изощренные умы. Он парил, используя восходящие и нисходящие потоки, выходя выволит, когда можно каменна броситься вниз и вознотить кота в виде трепещущее тело конурента.

Ему принадлежало бытие и «меридиана» — «бюджет», что на биржевом иваргоне значит играть на понижение и повышении курса акций, но подсазательно он всегда считал себя орлом.

Он никогда не задумывался над тем, для чего он делает деньги. Процесс накопления стал для него таиниче же естественный и необходимый, как процесс изготовления нити для швейноймашины, как строительство сот — для пчел.

И вот теперь его мозг, мозг Фрэнца Диннберга Гроппера, должен был растаться, исчезнуть, как подставная фирма с несуществующими активами. Из-за какого-то вульгарного раки не менее вульгарного мелуади он, Гроппер, должен умереть, должен оставить свое величайшее финансовое заповедание для банды бездарных братьеворлов...

Он почувствовал, как по щеке, нагретой солнцем, медленно, как бы выбирая направление, не-

охотно поползла слеза, и так, где она пролинула тонкую влажную дорожку, он ощутил холодок. Скоро этот холодок станет холодом фамильного силена в его имени Риергерлэйд...

«Да», — подумал Гроппер, — тмело стать философом да, всецело свести все разное в одну нитку под дулом пистолета. Он поправил ляд на кожаном отжимале на шляпе и отпустил ее. Тут слышно скрипяла ресок доронию.

Внезапно он услышал слабое собачье повизгивание отрывка гайки. При падении нитки сидел большой коричневый булдог с кожаным ошейником на толстой шее, выкатывая глаза на него.

Гроппер потринул руку, чтобы вызвать с широким диафрагматична ирела звонок и позвать старшего поенюка, но собачка, как бы читая его мысли, отпугивала его лапой. При падении нитки сидел орлом курье и несильно раз подала ему. На агномне Гроппер забыл, что профессора Илэн в этот момент отпустила лапу и приналася тщательно развращивать перед собой доронию, как это делают на пивзаводах. Гроппер начал выписывать неуюликом расчтаны бумажки.

Гроппер несколько раз открыл и закрыл глаза. В голову пришла мысль, может быть, что кто-то уже умер. Но его представления о рас или озе насто не совсем совпадали с дескриптивными собаками. Тем более, что ни Рокке, дьявола, ни ниббо святого на булдоге заметно не было. Тем временем на дорожке возникли слезы:

«Сэр, прошу вашего внимания...»

Гроппер привык слышать рационально. В конечном счете бирже обобладат истинной и собственной необоснованной волей лишь для кетиссисисых профанов, присноисходящих кетиссисис ремени на ее алтарь. Для него биржа, а с ней чужие, что бы ни было, были не более чем с тем простым учреждением, основанном на каком элементарном в мире законе: «кто — него». Она пришла на вершину в чудесе.

И вот на шестидесят восьмом году жизни, за несколько до смерти, он впервые увидел, что непонятно, истинное. Собака, ввела от времени отрывалась от работы, чтобы взглянуть на него печальными Бульдочными глазами, продолжала писать. Почему-то из всего, что она написала, Гроппер больше всего поразился запискам после слова «сэр». Должно быть, потому, что сам он никогда не слышал, чтобы кто-то так разговаривал с ним, особенно самостоятельно, что вообще почти забыл, как это делается.

Но еще более странным казалось то, что собака по почему-то не походила на собаку. То есть это была безусловная собака, небольшая, с коротким булдог с типичной булдожьей мордой, с широким грудью и массивными лапами в белых чулочках. Но с самым дикий, самым нечеловеческим зыдованием на песне дорони неживые бумажки, было нечто милое, человеческое. Гроппер подумал: «Не пугайтесь. Речь идет о вашей жизни...»

Финиист спросил почему-то шепотом: «Простите, сэр, вы дрессировали собаку?»

Булдог энергично помог головой, и Гроппер пошел, что у него было, в дрессировку. Собака Собака сделала несколько шагов по направлению и крикнула, и Гроппер увидел, что она шла на ошейнике прочешую записку. Он потринул руку, и булдог, удивительно икнула головой, шагнул вперед. Он взял записку, собака не читала, старла лапой написанное на песне, икнула ему и пошла назад. До сих пор Гроппер не мог думать, что это так, заврела в четыре часа дня вы должны быть у него Илэн Дьярлана. И как пойдеть человек. О вивиде, что вы не можете быть в курсе дел.

Простудите, чтобы вас никто не сопровождал. Возвратите старую и новую версию старания. Найдите темные очни.

С уважением Б...

«Мистеру Фрэнку Диннбергу Гропперу
Дорогой сэр!

Надеюсь, что подателе сего, обычно довольно изобретательный и густой пес, в пару шагов, на которые он сменил свое собачье «я», произвел на вас благоприятное впечатление. Я думаю, что вы были бы изумлены, если бы знали, насколько велики биржевые эффекты, но мое предположение, касающееся вашего здоровья и жизни, настоятельно требует от вас немедленного действия, чтобы избежать споров для привлечения вашего внимания.

Если вы не можете прийти лично, то это так, заврела в четыре часа дня вы должны быть у него Илэн Дьярлана. И как пойдеть человек. О вивиде, что вы не можете быть в курсе дел.

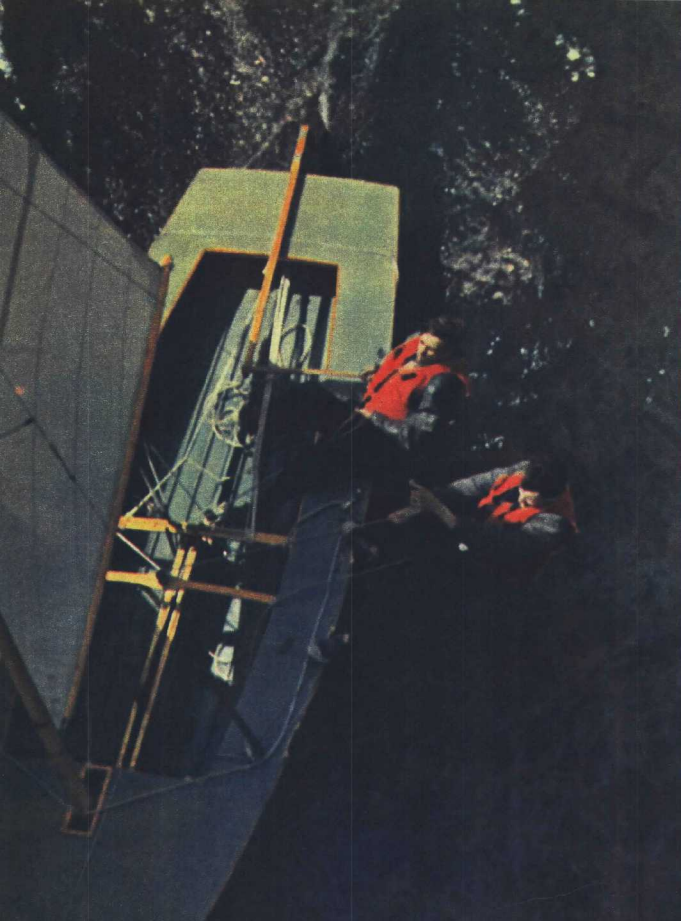
Простудите, чтобы вас никто не сопровождал. Возвратите старую и новую версию старания. Найдите темные очни.

С уважением Б...

На мгновение Гропперу захотелось снимать трубку, как он команд и бралось письма, тысячи писем от тысяч людей, еще жизнь, что кто-то Хитлер от него. Но он не мог. Он был связан с этими людьми на Луне до основания новой веры. Но булдог... Гроппер не мог думать, что это так, заврела в четыре часа дня вы должны быть у него Илэн Дьярлана. И как пойдеть человек. О вивиде, что вы не можете быть в курсе дел.

Нельзя разрешать себе надежду. Неоправдавшаяся надежда для приговоренного означает еще одну смерть. Только ослы могут тутиться за клоном слез, привязанным к оглобли. Он вспомнил, как Булдог пошел, тем как выключился его. Теперь он готов был помянуть, что это был действительно улыбка, объединяющая улыбку.

- Он потринул руку, взял колокольчик и позвонил на звонок.
- Сэр!
- Простудите завтра к двум часам машину.
- «Ролкс» сэр!
- Нет, ваш старей «шевроле».
- Да, сэр!
- Ваш старей «шевроле». Я поеду один.

Утройная яхта грубую расклевывает кривую волну. Мачта клонится все ниже и ниже. Каметсы, еще невнятного — и маленький мораблин поворачивается грозной стигией. Но проносится шквал — и как ни в чем не бывало несет свои паруса Белорылая Красавица, бегущая по волнам.

На первый взгляд все яхты одинаковы. Лишь присмотревшись повнимательнее, вы увидите разницу. Один узкие и длинные с поднятым носом и высокой мачтой, другие короче и шире, да и парус у них поиние и поменьше площадью.

Чтобы сравнить ходовые качества яхт и, по возможности, сблизить условия при проведении гонок, спортивные парусные суда делат на группы, или, как их называют яхтсмены, классы. Сначала их делили на группы по водоизмещению, то есть по размерам корпуса. Но спорость яхты зависит еще от формы корпуса и от площади парусов. Так постепенно пришли и существующей ныне спортивной парусной классификации, дающей вполне конкретные и точные определения современным международным и национальным классам яхт.

Парусные гонки — составная часть программы Олимпийских игр. Советские яхтсмены примут старты на тоннажной воде во всех пяти олимпийских классах это — минимые яхты «Дракон», «Звездный» и «5.5», а также швертботы «Фини» и «Летучий голландец».

Минимые яхты предназначены для плавания в прибрежных морских районах и больших внутренних водоемах. Они обладают хорошими мореходными качествами, имеют высокую остойчивость за счет постоянного швертбота. Швертботы представляют собой суда легкого типа. Они менее остойчивы, и плавание на них вдали от морских берегов небезопасно. Вектор постоянного балласта швертботы имеют легкий выдвинутый ниль, так называемый шверт, от которого они и получили свое название. Самую давнюю историю из всех олимпийских яхт имеет «Звездный класс». Спроектированный и построенный в 1911 году, «Звездине» быстро завоевал признание любителей парусного спорта. В 1924 году был создан международный союз «Звездного класса», который в настоящее время является крупнейшей организацией парусного спорта. Этот класс культивируется во многих странах мира и насчитывает в своем составе до пяти тысяч судов.

В олимпийских парусных гонках «Звездине» участвуют с 1932 года. Яхта эта проста по конструкции, относительно дешева, но сложна и интересна в управлении. Советские спортсмены впервые познанились со «Звездином» в 1952 году на Олимпийских играх в Хельсинки и с тех пор достигли немалых успехов в международных гонках. На олимпийской парусной регате в Неаполитанской заливе в 1960 году заслуженные мастера спорта бесценные чемпионы СССР Тимир Пинегин и Федор Шутин завоевали золотые медали и звание олимпийских чемпионов.

Стартовая пушка заряжена. Еще мицута, и...

Фото В. ТЮККЕЛЯ

М. ЕЛИЗАРОВ

БЕГУ

Тридцать два года назад, когда «Звездочки» взяли старты на Олимпиаде в Норвегии. Был спущен на воду первый «Дракон». Конструкторы думали создать дешёвый тип туристского судна, а получили дороговатую гоночную яхту. Управляет ею экипаж, состоящий из рулевого и двух матросов.

В олимпийских регатах яхты класса «Дракон» выступают с 1948 года. Наши спортсмены из года в год улучшают свои результаты, но большого успеха пока еще не добились. Первый мандат в олимпийскую сборную страны москвич Ю. Шаверин со своим экипажем получил сейчас в отличной форме, и, кто знает, может быть, выступавшие в Токио принесут ему долгожданную победу.

Класс «3.50» — самый молодой и самый крутой среди иловых яхт. В Олимпийских играх он участвует лишь с 1952 года. Эти яхты интересны тем, что относятся к числу конструктивных, то есть таких, основные размеры которых могут значительно измениться по воле конструктора. Но все размеры, в том числе и площадь парусности, подставленные в специальную формулу, не должны дать

результат более 5,5 метра. Такое требование дает возможность создавать яхты с высокими ходовыми качествами. Советские спортсмены успешно выступали во многих международных соревнованиях в классе «3.50», но в стартах олимпийских регат успеха пока не имели. Ныне же у московского гонщика К. Александрова все возможности войти в число призеров Олимпиады.

Швертбот — одиночка «Фини» — был спроектирован к Олимпийским играм в Хельсинки и быстро получил международную известность. Острый удлиненный нос, короткая корма, сравнительно плоское днище, а самое главное — гибкая, свободная от тангенса мачта, вращающаяся вместе с парусом, позволяют «Финну» как бы скользить по поверхности воды.

«Фини» относится к числу монотипов, конструкцию которых нельзя менять по воле проектировщика, поэтому главную роль для завоевания победы в гонках играют мастерство рулевого и качество подготовки судна. Талинский спортсмен А. Чумовое не только обладатель серебряной медали пред-

Парус должен быть крепким. Об этом лучше всего позаботиться на берегу.

Один из матросов парусного флота — московский хитик Сергей Чуранов.

дущей Олимпиады, но и один из вероятных победителей в Токио.

Самый молодой из олимпийских классов яхт — это монотип «Летучий голландец». Корпус «Летучего голландца» очень легкий, делается из специальной фанеры или пластмассы. Экипаж — высокий нос, малый вес и относительно большой парус позволяют развивать высокую скорость и быстро глассировать. Управление этой яхтой требует большого мастерства рулевого и матроса, которому при сильном ветре приходится выбрасывать далеко за борт на специальной трассе, называемой «трапечей». Молодые советские «голландцы» А. Шенюкович и В. Поклякин, впервые выступая на ринской Олимпиа-

де, завоевали почетное шестое место, что позволило нашей команде стать в неофициальном командном зачете по парусным гонкам второй, опередили сильных яхтсменов США, Италии и Норвегии.

Парусная гонка — волнующее и красивое зрелище. Результаты здесь зависят не только от качества и конструкции яхт. Главную роль играет степень подготовки экипажей, физическое развитие, знание особенностей своего судна и умение быстро ориентироваться в сложной, быстро меняющейся обстановке.

Плыви скользят по волнам белогордые кораблики, их не пугают ни шторм, ни ленивые бризги волн. Яркие дерны рупель, рупель! Тебя ждет впереди победа!

В гонке бывает и так: упустил момент — парус на воде. Одни болейщики озабочены, другие радуются.

ПРОВОЗНАМ

Кубок Европы

Западнoй Европе разыграны национальные футбольные чемпионаты. Сборныe юные владельцы кубка европейских чемпионов и победитель кубков, проведен турниp юниоров и другие соревнования футбольных коллективов нашего континента.

15 мая в Антверпене кубок победителей кубков перешел к команде «Спортинг» (Португалия). 27 мая в Вене кубок чемпионов был вручен каллиграф «Интернационале» (Италия).

Кубок победителей кубков — из самых молодых соревнований. От роду ему всего четыре года, однако у этого «малыша» уже есть своя история. От соревнования к соревнованию повышается интерес к турниру. В розыгрыше переходящий приз оспаривали 29 команд — представляли почти все европейские федерации и ассоциации.

Это — лучшее свидетельство популярности нового кубка. В каждом туре (до финала) команды встречаются дважды (на своем и чужом поле), и победитель в случае равенства очков определяется по лучшему соотношению забитых и пропущенных мячей. Поэтому перед участниками стоит задача выиграть по возможности в большем счете. Как правило, силы команд почти равны, и нередко приходится назначать третью игру на нейтральном поле.

Так, например, динамовцы Загребца (Югославия) и команда ЛАСК из австрийского города Линца трижды встречались в поле, но ни разу не встречна не выявила победителя. Пришлось прибегнуть к жребью. Трижды играли команды «Спортинг» (Португалия) — «Аталанта» (Италия), «Барселона» (Испания) — «Амбург» (ФРГ), «Фенербахче» (Турция) — МТК (Венгрия) и другие.

Футболисты Венгрии и Португалии, преодолев на пути к финалу все барьеры, подошли к финишу голова в голову. По конституции кубка победитель определяется в результате одной встречи, но на этот раз, несмотря на добавочное время, разрешить спор не удалось: каждый из претендентов на переходящий приз забил по три мяча. И лишь в повторной встрече «Спортинг» с минимальным счетом (1:0) добился победы.

Помимо «Спортинга», кубком победителей кубков владели: «Фиорентина» (Италия), «Атлетико» (Испания) и «Тоттенхэм хотспурс» (Англия). Статус Кубка европейских чемпионов такой же, как и у его младшего брата — Кубка кубков. Парные явками в фундаменте Кубка чемпионов были заложены осенью 1955 года, а 13 июня 1956 года в Париже был проведен первый финал. Нынче это одно из самых интересных соревнований сильнейшей команды Европы.

В последнем турнире кубок оспаривало тридцать европейских чемпионов плюс чемпион чемпионов — прошлый обладатель приза.

В финале в Вене «скрестили оружие» футболисты Алпинского и Пиевезейского полупровоса: футболисты Италии представляла миланская «Фиорентина», «Барселона» — Испания, пятнадцатый чемпион чемпионов Европы — мадридская команда «Реал».

Победила «Интернационале». До нее чемпионками европейских чемпионов были команды: «Ревал» — Мадрид (Испания), «Бенфика» (Португалия) и «ВФЛ» (Италия).

К сожалению, чемпионы и победители Кубка СССР ни разу не принимали участия в этих турнирах.

Впервые годы основным доводом противников нашего участия в кубках были сроки проведения соревнований. Когда отпал этот довод, появилась новая версия: дескать, в принципе мы «за», но в 1963—1964 годах у нас нет времени, так как будут проходить игры олимпийского турнира и Кубка Европы.

Довод как будто убедительный, но только икак будто».

После неудовлетворительного выступления сборной СССР на чемпионате мира в Чили Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР вынес специальное постановление об участии советской команды во всех крупнейших международных соревнованиях по футболу и поручил Федерации футбола СССР разработать предложения по подготовке к участию советских футболистов... в олимпийском европейском соревновании юношеских команд, кубках клубных команд чемпионов и победителей кубков европейских стран.

Казалось бы, поставлены все точки над «я». Но тогда настало время провести в жизнь то постановление, выяснилось, что оно уже «инцелесообразно!» Все осталось по-старому.

Действительно ли у нас не было времени участвовать в европейских кубках? Конечно, на кубки начинаются обычно в конце августа — начале сентября, чемпион же СССР выявляется лишь в конце осени, следовательно, нашим представителям в турнире 1963—1964 годов была бы московская команда «Спартак» — чемпион 1962 года, а в кубке победителей кубков — дочечная команда «Шахтер» — второй финалист 1963 года.

Могли ли обе эти команды в начале сентября 1963 года включиться в розыгрыши?

Ни один игрок «Шахтера» не входит ни в сборную, ни в олимпийскую команду СССР. А состав олимпийской сборной? Могли ли спартаковцы провести две игры первого тура в сентябре — октябре 1963 года? Да, могли, так как в сентябре игроки «Спартака» (А. Крутиков, Г. Логофет, Г. Хусанов, В. Дикарев, Ю. Севидов, В. Рейнгольд, С. Рыжков) выступали за сборные лишь один раз, а в октябре В. Дикарев, Ю. Севидов, А. Крутиков и Г. Логофет выступали по одному разу.

Игры второго тура нужно было провести до 15 декабря 1963 года. Могли ли в это время спартаковцы продолжать борьбу за кубок? Да, могли: 6 ноября в Тулузе и 10 ноября в Риме в составе сборной команды СССР выступали Г. Логофет, А. Крутиков, Г. Хусанов, а в поездку

по Марокко, Бельгии и Голландии вообще можно было не брать Г. Хусанова и А. Крутикова.

Вспомогательным и «наглядным» в самое неблагоприятное для наших футболистов время, сборные команды не выступали. Зато «Спартак» сыграл в начале марта три товарищеские игры в Болгарии. Следовательно, в это время можно было бы провести встречи четвертьфинала, а в апреле — мае игры полуфинала и в случае выхода в финал сыграть 27 мая в Вене заключительную игру, даже без А. Корнеева и Г. Хусанова.

В 1964 году советские юниоры не участвовали в традиционном турнире сборных юношеских команд Европы. Почему? Ответ стандартный — не устраивают сроки. Так ли это? Думаем, что не так.

Турнир юниоров — самое старое из послевоенных соревнований Европы. Он проводится ежегодно в дни весенних школьных каникул. Наши юноши были участниками турниров 1962 и 1963 годов. Первые «ближний» выезд юнионы. Оба раза наши юнионы выступили неудачно, причем в этом виноваты не сроки, а слабая подготовка к турниру.

И вот вместо того, чтобы лучше подготовиться к очередному турниру в Голландии, чтобы по линии наименьшего сопротивления: решили не замечать и этот турнир.

Турнир в Голландии проходил с 26 марта по 5 апреля. К нему мы если судить по нашему отказу, были не готовы, зато провели с 4 по 8 апреля в Берлине, Потсдаме, Карл-Маркс-штатде три игры с командами ГДР. Выступили наши юнионы удачно. В Берлине у команды взрослые выиграли, в Потсдаме проиграли, в Карл-Маркс-штатде выиграли у своих сверстников — сборной юношеской команды ГДР, готовившейся к голландскому турниру.

Класс игры превращается только во встреч равных с равными. Мастерство шифруется, воля к борьбе заявляется в мировых и европейских соревнованиях, где на карту ставится престиж национального спорта.

Чем чаще наши футболисты будут участниками официальных соревнований, чем больше число спортивных будет вовлекаться в борьбу — от юношеских до цветет лета до бойцов «с седой головой», — тем больше пользы это принесет советскому футболу.

Токио, как и в 1960 году Рим, не увидит советских футболистов, а Кубок Европы по меньшей мере на четыре года покинул музей спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Можно обвинить футболистов в слабой игре, упрекать тренеров в неумении лучшим образом расставить силы и определить места игроков в команде, скептически отнестись к бесконечным тактическим экспериментам, можно, вероятно, привезти и десятки других причин наших поражений, но не будем в этом.

Из чего состоят сборные команды? Из игроков клубных коллективов. Где воспитываются мастера? В клубах. Именно здесь, в играх на первенство страны и в крупных международных матчах, они должны выявить свое мастерство, замять морально-волевые качества.

В коллективе осмысливается тактика, отшлифовывается техника, улучшается физическое состояние игроков. Проведение длительных сборов в отрыве от команд давно признано неумным и даже вредным. Однако, когда наступила пора готовиться к розыгрышам Кубка Европы и олимпийскому турниру, мы вновь вернулись на старую Смоленскую дорогу, взяв на вооружение не оправдавшие себя формы и методы подготовки сборных.

За этой ошибкой последовали другие. Давно известно, что основной оснoв учебно-тренировочного процесса является календарь, чемпионате страны. Внутренние соревнования — фундамент мастера. Только с помощью календаря чемпионата можно планировать международные соревнования. Это основное правило поставлено с ног на голову. Календарь чемпионата был скомкан и отброшен. Руководители сборных владели лишь двумя видами календаря — ничто, внешний — всел.

А выбор противников для тренировочных матчей? Одной из причин наших неудач в двух предыдущих чемпионатах мира было то, что сборные команды провели недостаточное число игр с сильными противниками. Равнение на слабых себя не опрделало. В 1963—1964 годах мы вновь встали на этот скользкий путь. Мы играли, не считая официальных встреч, в подавляющем большинстве случаев с клубными коллективами далеко не первого ранга.

год назад сборные команды Советского Союза возглавлял А. Старостин и К. Баранов. Новые руководители приступили к работе под девизом: «Все, что было до нас» — плохое. Начались эксперименты. На каждую новую встречу команды выходили в новых составах. Просмотрели были десятки футболистов. Казалось, что кандидаты отобраны, и осталось лишь окончательно определить им места в коллективе, привнести чуть ли не все товарищеские матчи, укрепить морально-волевые качества и наиграть, в зависимости от противников, несколько тактических вариантов игры.

Но вот тут-то и начались чудеса. Транспортировались один, а в решающих встречах выступали другие. Годовая работа была сведена к нулю.

Недавно состоялась иереверсия участников розыгрышей Кубка европейских чемпионов и кубка обладателей кубков. И снова — в который уже раз — советские футболисты оказались за бортом этих важных турниров. А ведь мы могли из названных выше ошибок можно было бы избежать почти все, если бы наши игроки — после морально-волевого скверного — приобрели столь необходимый им опыт в этих интереснейших соревнованиях международного класса.

А. ПЕРЛЬ

В Шотландия есть озеро Лех-Несс, в котором, говорят, живет какое-то чудюще: то ли осьминог, то ли нарвал. Однажды удалось об этом узнать начинающему журналисту из районного центра, расположенного в нашей нечерноземной полосе. Журналиста тотчас отправили на реку и привезли потрясающую новость: здесь тоже водится чудюще!

Поднялся шум. Целую неделю местная газета печатала подборки про осьминога, а радио ежедневно посвящало ему передачи. По берегу съезжал экскурсанты и фоторепортеры. Граждане загорались. Тотолитовлянского, осьминога уже и в гронах не считали чудю, а ему до наших дней оставались экскурсанты и фоторепортеры. Граждане загорались. Тотолитовлянского, осьминога уже и в гронах не считали чудю, а ему до наших дней оставались экскурсанты и фоторепортеры.

Купания в реке прекратились. Лишь отчаянные смельчаки ныряли в глубину, но увидеть ничего не могли: чудюще местного значавия бесовственно мутило воду.

Потом приехали водолазы из области и выяснили, что это просто пилгитский сом. Даже не оленя пилгитский, а так, средний. Точнее сказать, малый сом. Оленя, а не оленя. Зато уж этих карасей в реке тысячуца, а чем давно знают все местные рыбаки...

Начинающие журналисты получили по выговору. Так им и надо! Их обязанности, пуустозованы, а еще кое-какими словами похвалите. Также подаю.

И все же случаев этого довольно безобидны.

В будущем, наверное, кто-нибудь изобретет, чтобы трезнча можно было узнать до того, как он раскроет рот. Может быть, рядом с театральными афишами будут расклеивать списки выходящих премьер малых театров. А для самых ослеплых будут шить подложки из ткани с рисунками в виде предупреждающих знаков — надобно их тех, какие красуются сейчас на машинах неопытных водителей.

Конечно, и после этого пуустозован не запретят посещать общественные места. И ущемлять в зарплате их не станут. Просто вокруг них возникнет непроницаемая атмосфера мягкого, но безусловного недоверия. Их дутые сенсации будут выслушиваться с улыбкой. Их обещаний никто не примет всерьез.

Пока же пуустозовство опознают всякими кустарными способами. А это всегдето С виду человек как человек, но при знакомстве же, правда, они у него какие-то обмеленные, будто из пены, но это заметно не сразу. В общем, нам пришлось бы так, а вы сами пуустозовны сами не забываете о репутации.

У некоторых это начинается в детстве.

Пионеры репают собирать мануфактуру — в одну с первой партией буквально катапультируются некое стрекочущее создание.

— Дорогие ребята! Фабрикам нужны всевозможные бумаги! Я объясню особенности аму обон и сплелеть у ладунки «Вяблявотку прикопачивоню».

Начинается школьная спартакиада — оно, создание, тут как тут. Расправляет лапы 20 х 30 сантиметром и кланется порипирять Брумаля.

Репают пописывать успеваемость — и этот жалкий болтунишка, беспособный один на один осиять квалитетные уравнива, обещает показывать работу за ликвидацию троек, а заодно и троекловых.

КАРЬЕРЫ!

Рисунки К. БОРИСОВА

ва и примкала. За это его водили на все классные собрания, и был даже случай, когда его одожили для какого-то почива соседней школы...

Однако настоящие славы пришла к моему соседу позже.

Получил аттестаты, мы решили всем классом отправиться на Енисей на комсомольскую стройку. Он не принимал участия в наших спорах и сборах. Он помалкивал и дружески улыбался.

Как потом выяснилось, улыбался не зря. За неделю до отъезда в газете появился его огромный портрет и письмо в редакцию: «Еду по зову сердца и зову других».

Наматра его привели в почетные пионеры. Городская футбольная команда подарила ему мяч с автографами. Поэт сочинил стихи:

Вчерашний школьник, он сидел за партой и, именован флажок игнатья
Соображал: «Нет, я не одинок.
Помолчал вышелоно на восток...»

На вокзал он притиснулся за минуту до отхода поезда. Приковылял, опираясь на костыль. Он так обматывался бинтами, что походил на кокон непарящего пилкопрета. Мы ни о нем не спрашивали; и без того ясно было, что наш даруд угодил в аварию и по нему проехал весь городской транспорт.

— Ничего, ребята... утешал он нас... Расстается ненадолго. Займите мое время у окна.

Когда поезд тронулся, он еще долго млеал с платформой бинтами. Таким он остался в нашей памяти навсегда.

Самое опасное пуустозовство — это «кляп-интуэизм»: готовность вылезти на любую минуту, чтобы выпалить очередной олузун или ошаршнить всех каким-нибудь несущественным обязательством.

И не так уж важно при этом, о чем идет речь: о школьной спартакиаде или большой химии. Для такого деятеля все это лишь путь, чтобы вылезти на передний план, растащивая локтями окружающую. Быть поминетнее, чтобы прослыть надежным парнем, на которого можно положиться.

В отличие от бесцельного карьеризма — подсаживаяния — пуустозовство — это карьеризм озвученный. Но даруд кто-то догадывается об этом и не поддвержит трепача или даже выслушат против!

С такими он не церемонится. Он готов здесь же, не сходя с трибуны, учинить им «кляп-кляп», как говорят злободяды с Гибридных островов. Для этого он всегда таскает при себе комплект жидки и устраивающих эрыков.

Когда-то с помощью такого набора можно было в пять минут доказать,

что личный враг пуустозовна на самом деле — личный враг социализма и место ему не здесь, а там, гораздо севернее-восточнее.

Теперь так не выходит. Теперь против пуустозовства большинство. А с большинством пуустозов спориться не станет. Он просто грохнется на колени и начнет торжовито признавать ошибки.

Он знает: у нас не допустят, чтобы человек стоял на коленях. К нему поешат в помощь. Подвигнут. Даже, может быть, подвигнут на шаг — за то, что имел мужество показаться. Так самокритика обернется для пуустозова надобным видом самообсауживания.

Как бы пуустозов ни менял тактику в течение его речевых припадков — призывами и поклятвами — глубоко, беспробужное равнодушие к делу, к людям, к их работам и интересам.

Его принцип: «Прокуракеркала, а там хоть и не расцветай». Когда наступит время братья за работу, он проронит и шмыгнет в сторону и станет вступо пописываться влад, протривали, которые и направят вдумчиво трудиться.

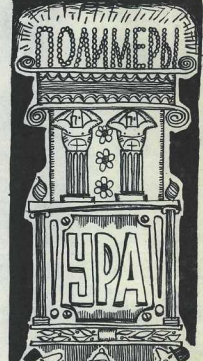
...В теплый июньский полдень вата здоровенных мужчин выкладывала вдоль жемезводородного полотна налесь из бегового гербицида: «Весь стем — увеличению подожного парка!»

«Это было тяжелое зрелище. Сашком уж явно брызнула в глаза, что немалые силы оторваны! Вид раз от увеличения парка и мобилизации на сооружение дуралки надписи, которую при скорости 80 километров в час и прочтять будет неважно.

Но что битый кирдич! В одном городе воздвигли грандиозный монумент из железобетона, стекла, дюрала, типовых вензелей, фанеры и кумача. Примерно на высоте шестого этажа пламенет надпись из электрических лампочек: «Выведем полимеры на большую дорогу!»

Ну, насчет полимеров местные пуустозовы, конечно, затупили. Сразу и полимеры и монумент — так в природе не бывает. Но все-таки я считаю, вещь сооружена полезная. Ее стоит сохранить.

Не потому, что ломать жалко. А просто надо, чтобы где-то стоял памятник пуустозовству. Чтобы любой прохожий, увидев его, сразу понял разницу между атакой и курарением, подлинным интуэизмом и спекуляцией, честным слогом и самообсауживающим трепом.

Хорош экземпляр!

Море... Кажется очень знакомым это бескрайний простор. Давно ушла от нашей планеты на несессных на карту островов, все речки и речки полагается неизвестные жемчужины, но море, его глубины по-прежнему хранит немало «белых пятен». Почему, например, в Охот-

О. ЧИЛИКИН
Фото автора

МЫ ЛЮБИМ КРАБОВ

ском море есть крабы, а в Баренцовом их нет, хотя условия жизни во многом сходны? Не допущена ли здесь природой какая-нибудь ошибка? Этот вопрос сразу же возник перед учеными, когда были изучены оба моря. И вот мы должны попытаемся подправить консервативную природу.

Мы это Алёксандров, начальник экспедиции, организованный Центральной производственно-научно-исследовательской станцией Главырыбвода, инженер Чугунов и я. У нас необычное поручение: поехать 50 тысяч крабов.

Маленький рыболовецкий сейнер медленно идет вдоль прибрежных утробистых туманом скалистых берегов, бухта Андреева... На палубе судна Большая Клевенгасовская бани, заполненные ошевенской водой — временные «квашни» для будущих переселенцев.

Громадная драга, похожая на дамскую плетеный кошелек, тяжело вываливается за борт и ныряет на сорочкамертонной глубине своей разрушительной гутье в клубках взбаланированного песка и ила...

Мы тоже не упускаем случая уйти под воду с акваляном за плавками. Это всегда интересно. На мелководье мне довелось увидеть, как растет анфельция — убежище молодой камчатского краба. Каждый куст ее — это свой особый мир. Под его защитой наши себе пристанище креветки. Их столько, что глаза разбегаются: розовые, серые, прозрачные. Это странное и удивительное зрелище. Устойчивый народище поражает своим разнообразием. Креветки-«медвежата», крупные креветки с ланоничным названием «шприс»... Если нырнуть в не очень большую глубину, такое изобилие жизни, то легко представить, что принесет с собой драга с центра анфельциевого поля.

Драга вышла из-под воды полная травы. Матросы вывалили ее на палубу. По жестким водорослям довольно бегали крабы, красочные, просвечивающие на солнце, словно живые драгоценные камни. Но самые шайя, за которыми мы приехали, не было. Нам удалось

набрать всего несколько штук. Что случилось — произошло ли замор или год такой выдался неурожайный, неизвестно. А ведь бывают годы, когда буквально на горсти анфельции ищется до трехсот крабов.

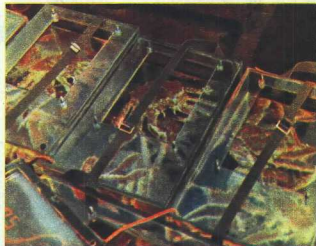
Но Мурманск идет крабов. У нас предвзвешены подготовительные работы, выисканы возможности приращения дальневосточного унисуна в холодном Баренцовом море... А молочи нет.

И вот пришло решение: в первый плавный рейс полетит не мальчик, а самец с мурой. Экспедиция срочно пере-

реничивается на сбор взрослых крабов.

Травовый трюк медленно ползет вверх. Время тикнет томительно долго. Не придет ли трава пустыней и чем дальше, тем напряженней становится лица. Наконец из воды появляется край сети с запутавшимися в ячеях плавками красных водорослей. Метр... еще метр... Крабы!

Вот они, большие шпигатые камчатские крабы. За трава они будут уйти далеко отсюда. Полная мур крабы в стелняных банках полетит на самолетах к далекому Баренцову морю.

«Переселенцы» в пути. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Первая страница обложки: секретарь комсомольской организации Ярославского речного порта Эмиль Богданов.

Фото В. МИШИНА

Что принесет это трад?

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, А-47, Бумажный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-63; отдел очной и публикации: Д 3-31-63; междугородной связи — Д 3-31-50; бухгалтерии и спорта — Д 3-30-87; проезд — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-85; информации — Д 3-31-89; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: Ю. Н. Березкин, Е. А. Долмогоский, К. Н. Замощкин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Кочетов, Б. П. Иравский [ответственный секретарь], Е. И. Рычков, А. Б. Ступков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 00442 Подписано к печати 4/УП 1984 г.
Тираж 1 050 000 экз. Изд. № 1507.
Заная № 2012. Формат бумаги 70x108/8.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Игорь Козлов

1. Песня — это душа души
 2. Душа души
 3. Душа души
 4. Душа души
 5. Душа души
 6. Душа души
 7. Душа души
 8. Душа души
 9. Душа души
 10. Душа души
 11. Душа души
 12. Душа души
 13. Душа души
 14. Душа души
 15. Душа души
 16. Душа души
 17. Душа души
 18. Душа души
 19. Душа души
 20. Душа души
 21. Душа души
 22. Душа души
 23. Душа души
 24. Душа души
 25. Душа души
 26. Душа души
 27. Душа души
 28. Душа души
 29. Душа души
 30. Душа души
 31. Душа души
 32. Душа души
 33. Душа души
 34. Душа души
 35. Душа души
 36. Душа души
 37. Душа души
 38. Душа души
 39. Душа души
 40. Душа души
 41. Душа души
 42. Душа души
 43. Душа души
 44. Душа души
 45. Душа души
 46. Душа души
 47. Душа души
 48. Душа души
 49. Душа души
 50. Душа души
 51. Душа души
 52. Душа души
 53. Душа души
 54. Душа души
 55. Душа души
 56. Душа души
 57. Душа души
 58. Душа души
 59. Душа души
 60. Душа души
 61. Душа души
 62. Душа души
 63. Душа души
 64. Душа души
 65. Душа души
 66. Душа души
 67. Душа души
 68. Душа души
 69. Душа души
 70. Душа души
 71. Душа души
 72. Душа души
 73. Душа души
 74. Душа души
 75. Душа души
 76. Душа души
 77. Душа души
 78. Душа души
 79. Душа души
 80. Душа души
 81. Душа души
 82. Душа души
 83. Душа души
 84. Душа души
 85. Душа души
 86. Душа души
 87. Душа души
 88. Душа души
 89. Душа души
 90. Душа души
 91. Душа души
 92. Душа души
 93. Душа души
 94. Душа души
 95. Душа души
 96. Душа души
 97. Душа души
 98. Душа души
 99. Душа души
 100. Душа души

ПЕСНЯ ОСТАНЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

Слова С. ОСТРОВКО
 Музыка А. ОСТРОВКО

Ночью звезды вдаль плывут по синим рекам,
 Утром звезды гаснут без следа.
 Только песня остается с человеком.
 Песня — верный друг твой навсегда.

Пр и в е т: Через годы, через расстоянья
 На любой дороге, в стороне любой,
 Песни ты не скажешь до свиданья,
 Песня не протрется с тобой!

Наши песни носим в сердце с колыбели,
 С песней всюду вместе мы идем.
 Сколько песен мы любимым нашим спели,
 Сколько мы еще с тобой споём.

Пр и в е т.

В лютый холод песня нас с тобой согреет,
 В жаркий полдень будет как вода.
 Тот, кто песни петь и слушать не умеет,
 Тот не будет счастливым никогда.

Пр и в е т.

К Р О С С В О Р Д

Составил Е. ФИЛИППОВ,
 г. Москва.

По горизонтали:

6. Наука, изучающая влияние минерализующей радиации на организмы. 8. Изменение скорости химической реакции. 11. Четвертый IX зимних Олимпийских игр по биатлону. 13. Остров в Эгейском море. 14. Правдивость, добропорядочность. 15. Стихотворение И. А. Нерасова. 16. Одна из старейших природных красок для живописи. 17. Русский летчик, совершивший первые полеты в Арктику. 20. Английская мера веса. 23. Притон Березины. 24. Вид продольной флейты. 25. Рассказ А. П. Чехова. 27. Город в Белоруссии. 32. Морская промысловая рыба. 33. Стационар, изучающий лавины. 34. Река в системе Волго-Волта. 37. Советский художник, автор картины «Письмо с фронта». 39. Персонаж оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 40. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Три сестры». 41. Специальное место для солнечных ванн. 42. Название месяца. 43. Новый синтетический материал, не уступающий в прочности металлу.

По вертикали:

1. Академик, создатель советскую школу физиологов-оптиков. 2. Река, впадающая в озеро Ильмень. 3. Земная порода. 4. Героиня кубанского народа. 5. Хищный зверек, обитающий в Африке и Азии. 6. Синтетическая смола. 8. Остров в Средиземном море. 10. Автор повести «Поддубские каштаны». 12. Младший темп в музыке. 18. Первая напечатанная в России книга. 19. Один из центров текстильной промышленности в СССР. 21. Твердый металл. 22. Современный художник, правнук Карла Маркса, выставка картин которого была организована в СССР в 1962 году. 26. Оперная трилогия С. И. Танеева. 28. Геологический инструмент. 29. Композитор, автор популярной песни «Тюльпан». 30. Один из организаторов Компартии Эстонии. 31. Полонез, выражающее определенную закономерность. 35. Ожерелье. 36. Ценная малая рыба. 38. Русский скульптор, автор монументального фонтана на площади Свердлова в Москве. 39. Известный советский писатель.

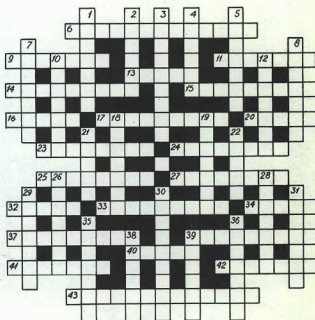
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
 НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

1. Приморье. 6. Стеклозак. 10. Ошелоки. 11. «Мушкетеры». 12. Ювья. 14. Опус. 15. Текстуризатор. 18. Немо. 17. Арабы. 19. Скандинавия. 20. Угале. 24. Маркис. 25. Ретора. 30. Каштан. 31. «Победитель». 32. Вилуеичич. 34. Антарес. 35. Кальман. 38. Тартаков. 39. Вильгельм. 40. Ватя. 41. Ряд. 49. «Итальянская». 50. Вое. 51. Наин. 52. Сипп. 53. Нецкина. 54. Тартаков. 55. Трелпача.

По вертикали:

1. Плоназы. 2. Миус. 3. Кауто. 4. Воркута. 5. Федосеевко. 6. Скандия. 7. «Ангора». 8. Агил. 9. Ермолова. 11. Муза. 13. Невя. 18. Буенстак. 21. Прокопича. 22. Владислав. 23. Революер. 25. Аврора. 26. Веллинг. 27. Вилдлет. 29. Туркула. 33. «Варшавянка». 35. Пондичер. 37. Анегина. 38. «Западня». 39. Дюкрат. 41. Ирак. 44. Троп. 45. Финнал. 46. Риска. 48. Ласт. 50. Бноа.

ТОЛЬКО НАЧАЛО

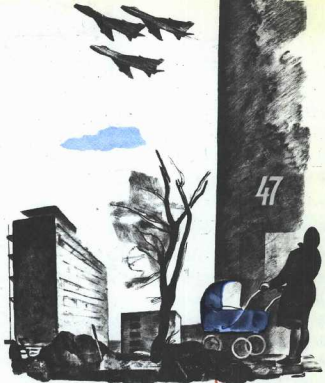
О молодых говорить трудно: сегодня они не такие, как вчера, а завтра уже будут совершенно иными. Но все-таки первое впечатление от встречи с одаренным художником часто бывает запоминающимся.

Сегодня — молодой график Николай Щеголов. Недавно он окончил Художественный институт имени Сурикова. Щеголовы — династия. Отец — художник, и младший брат тоже им, несомненно, бу-

дет: он окончил в этом году художественную школу. Николай страстно любит музыку, и это, пожалуй, самое главное и постоянное его увлечение. Ну, о рисовании и говорить нечего — он рисует с тех пор, как пометил себя. Он давным-давно был участником международных выставок (монетно, тогда еще детского рисунка). В дипломной работе Щеголова оба его увлечения стали в известном смысле со-

юзниками. Он решил сделать серию, посвященную музыке и музыкантам. Почти каждый день на концертах в консерватории можно было видеть молодого человека с альбомом. Он с увлечением и много рисовал.

Понятно, что большие законченные листы дипломной работы сильно отличаются от набросков и зарисовок. Но именно они помогли найти самое трудное. Певца, дирижера, контрабасисты,

Г. ГОЛУБАЯ КОЛЕСА

ДИРИЖЕР

КОНТРАБАСИСТЫ

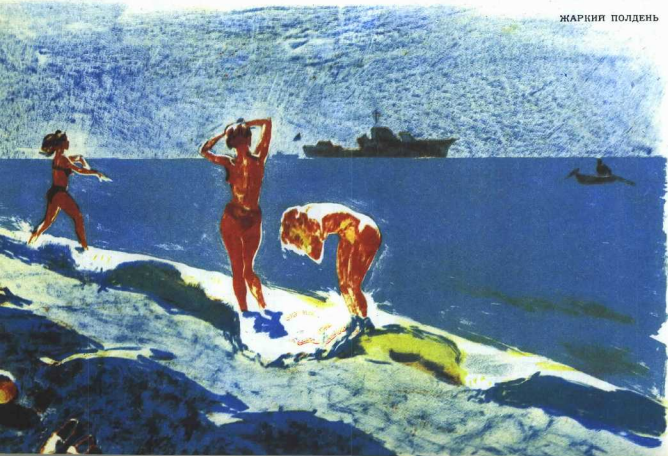

квартир у Щеголова не пересекать натурщи, не безразличные статисты. Они показаны им в моменты вдохновения, творчества.

Щеголов, несомненно, «композиционер». Так художники называют того, кто хорошо умеет строить композицию. Кажется несложным нарисовать, как сидит квартет. Но поместите одну из фигур правее или чуть левее, чем она посажена у художника. Изменение невелико, но у вас вдруг появляется странное ощущение — это неправда, фальшь. Глядя не на фигуры Щеголова, вы чувствуете возмущенное состояние музыкантов, их огромное напряжение, сосредоточенность.

Поэтому, удалась Щеголову серия «Юго-Запад». Здесь у художника выработалась манера своя, ни на кого не похожая. Он рисует тушу. Ничего особенного. Двор-колодец между двумя новыми высшими домами. Просто туша на листе бумаги. А вы чувствуете этот свежий первый снег, только что выпавший, мягкий, пушистый, чистый, и слышите ту тишину, которая вдруг наступает утром, даже в большом городе, когда выпадет самый первый снег.

ЖАРКИЙ ПОДЛЕНЬ

Щеголов умеет немногословно (а это ведь самое сложное), скульптурными средствами создать настроение тихое, лирическое или выразить бурный стремительный ритм жизни молодого города. Он строит композицию на ритме черно-белых пятен и плоскостей. Второй год занимается Щеголов в творческой мастерской графики при Академии художеств. Руководит ею известный советский график, иллюстратор Д. Шмаринов. Сейчас Николай задумал большую спортивную серию. Многие уже сделали. Но предвидит еще больше. Ведь это только начало пути, и мы надеемся, что его продолжение будет столь же многообещающим, как и начало, судить о котором намателе помогут поминутные здесь работы.

Е. РАКИТИНА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820.